

ВИКТОР
ПРОНИН

ПОБЕДА
ПО ОЧКАМ

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»**

ЭКСМО

Банда

Виктор Пронин

Победа по очкам

«ЭКСМО»

2005

Пронин В. А.

Победа по очкам / В. А. Пронин — «Эксмо», 2005 — (Банда)

Следователю прокуратуры Павлу Пафнутьеву поручили важное государственное дело о мошенничестве и хищении денежных средств в особо крупных размерах. Правда, это дело известного всей стране олигарха Лубовского, который находится в окружении самого президента. Но Пафнутьева это не смутило, и он взялся за работу со свойственной ему педантичностью. Олигарх подготовился заранее – нанятые им люди уже вычистили все десять томов его уголовного дела. Лубовский уверен, что следак ничего не докажет. Но он еще не знает, что Пафнутьев всегда находит истину в самых запутанных делах... Ранее роман «Победа по очкам» выпускался под названием «Банда 8».

© Пронин В. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Пронин

Победа по очкам

Часть первая

Однажды утром Пафнутьев неожиданно поймал себя на том, что старательно, с какой-то нечеловеческой тщательностью протирает хрустальную рюмку. Он рассматривал ее на просвет, тер содой, насухо вытирал полотенцем, потом, заметив, что от полотенца остается ворс, протер рюмку туалетной бумагой, а обнаружив в хрустальной складке какое-то замутнение, убрал его заостренной спичкой и лишь тогда, случайно обернувшись, увидел в дверях Вика. Она стояла, прислонившись плечом к косяку, и с улыбкой наблюдала за его усилиями.

Пафнутьев смутился, поставил рюмку на полочку и закрыл дверцу шкафчика.

– Ну, – сказала Вика.

– Что ну?

– Теперь ты все понимаешь?

– Я всегда понимал все... Разве нет? – спросил Пафнутьев озадаченно.

– Помнишь, чем заканчивались такие вот утренние протиранья рюмок?

– А чем они заканчивались?

– Поддатием.

– Надо же. – Пафнутьев задумался. – Ничего такого вроде не предстоит... Да и повода нет... Обычный день...

– А это выше твоего понимания. Это уже подсознание. Ты еще ничего не знаешь, ни о чем не догадываешься, а твой организм уже получил сигнал.

– Какой сигнал?

– Что-то будет. Паша, это ведь не первый раз и не второй... Готовься, Паша.

– К чему, Вика? – почти с испугом спросил Пафнутьев.

– К событиям.

– Каким? – простонал Пафнутьев.

– Откуда мне знать... Этого еще никто не знает. Говорят, есть такие могучие экстрасенсы, колдуны, маги, не знаю, как их еще назвать... Проходимцы, в общем... Так вот они, глядя на хрустальный шар, впадают в какое-то там состояние или доводят себя до этого состояния... Точь-в-точь как вы с Худолеем...

– Так что колдуны?

– А, колдуны... Смотрят они, смотрят в этот хрустальный шар, и наступает момент, когда начинают видеть в нем картины будущего. Причем так явственно, четко, будто события в этот самый момент и происходят.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю тебе всмотреться повнимательнее в рюмку, которую ты только что так отдраивал... Может быть, различишь в ее сверкающих гранях предстоящие события? Рюмка пузатенькая, почти шарообразной формы... Всмотрись, Паша, чего не бывает, – и Вика, дернув плечом, удалилась в комнату. Когда женщины вот так дергают плечиком, в этом их невинном жесте всегда проглядывает скорбь по поводу предстоящих событий, а о том, что события будут скорбными, им всегда откуда-то известно. Впрочем, многие женщины ждут от мира только печали и, естественно, ее дожидаются, что лишний раз убеждает их в собственной проницательности. И не понять им, бедным, что таким вот движением плечика они и создают печальные события, накликают их на свою непутевую голову, а потом всплескивают ладошками и со

смешанным чувством восторга перед собой и жалости к себе же восклицают что-то в том духе, что я, дескать, говорила, дескать, предупреждала, дескать, все знала наперед.

Грустно все это понимать и каждый день с этим сталкиваться, грустно.

Проводив Вику взглядом, Пафнутьев снова открыл шкафчик, вынул рюмку и, подойдя с нею к окну, долго всматривался в сверкающие грани, словно и в самом деле надеялся увидеть среди них смутные картины предстоящего дня. Но нет, ничего не увидел, хотя на какое-то мгновение ему показалось, что рюмка полна до самого верха и нужно держать ее очень осторожно, чтобы прозрачная жидкость не выплеснулась и не потекла по пальцам. Но, взяв себя в руки, Пафнутьев убедился, что рюмка пуста. И с облегчением снова водрузил ее на полку.

– Когда ждать? – спросила Вика, когда Пафнутьев уже одевался в прихожей.

– Жди меня, и я вернусь, только очень жди, – ответил Пафнутьев, чутко уловив скрытую насмешку в вопросе.

– Надеюсь, это произойдет сегодня?

– О, дорогая, – искренне вздохнул Пафнутьев. – Сегодня столько всего произойдет...

– Значит, ты все-таки что-то знаешь?

– Только на уровне подсознания, как ты тонко заметила полчаса назад. Ты же видела, как я протирал рюмку, знаешь, в каких случаях это со мной происходит... Ты столько всего знаешь. – Пафнутьев на ходу, не задерживаясь, поцеловал жену в щечку, подмигнул, махнул рукой, чуть поклонился уже на площадке. Решив, что для прощания всего этого вполне достаточно, закрыл за собой дверь и легко сбежал по ступенькам вниз.

***

Стояло лето, теплое лето, но какое-то сумрачное. Время от времени начинался дождь, прекращался, снова моросил, но Пафнутьева это нисколько не удручало, он любил такую погоду и прекрасно себя чувствовал, переживая недолгий дождик где-нибудь под зонтом, за столиком потягивая пиво и поглядывая по сторонам взглядом любопытным и доброжелательным. Впрочем, лучше сказать, что взгляд у него в такие моменты был поощрительным, он одобрял людей, которые присаживались рядом, кто спокойно проходил мимо, тех, кто пил пиво, и тех, кто просто сидел, подперев щеку, и смотрел на дождь. Такое состояние было у Пафнутьева в это лето, и ему нравилось быть таким. Друзья это заметили, некоторое время с интересом поглядывали на Пафнутьева, переглядывались между собой.

– Паша, ты изменился, – как-то сказал ему Халандовский.

– Я знаю, – беззаботно ответил Пафнутьев.

– Но ты мне и таким нравишься.

– Я знаю.

– Видимо, тебя посетила мудрость.

– Видимо, – кивнул Пафнутьев, и на этом обсуждение закончилось, поскольку подросли другие темы для разговора.

Единственное, чем был озадачен Пафнутьев, так это тем, что сам не помнил, как начал протирать злосчастную рюмку, причем одну, единственную. Да, если он уж и скатывался в такое состояние, то рюмку всегда протирал только одну. Его несколько смутило то, что это заметила Вика, хотя истолковала она утреннее его занятие, в общем-то, правильно. Со смешком, с осуждением, но правильно, во всяком случае, очень близко к истинному его настроению.

По длинному коридору своей конторы Пафнутьев шел неторопливо, с интересом поглядывал по сторонам, вежливо со всеми здоровался, впрочем, можно сказать, что здоровался он опять же поощрительно. Молодцы, мол, правильно живете, по закону и по совести, и смотреть на вас одно удовольствие, живите и далее в том же духе, помните, что я всегда с вами, – такой примерно взгляд был у Пафнутьева в это утро.

Мимо своего кабинета Пафнутьев прошел, не замедляя шага, будто заранее принял такое решение, будто заранее знал, куда ему идти, кого искать, с кем встречаться. А ведь не думал даже, просто прошагал мимо, словно не его это была дверь, не его кабинет.

Остановился Пафнутьев у тощеватой худолеевской двери, на которой была прикреплена стеклянная вывеска с одним словом – «Фотолаборатория».

Пафнутьев подергал ручку и, убедившись, что дверь заперта, несколько раз постучал. За дверью возник неясный шум, она раскрылась, показалась печальная мордочка Худолея.

– О! Паша! – обрадовался тот. – А я жду-пожду, а тебя все нет и нет! А тут и ты! Я так обрадовался, Паша, так обрадовался, что прямо не знаю, что тебе и сказать.

Пафнутьев прошел в лабораторию, закрыл за собой дверь, задвинул стерженек шпинг-лента и с тяжким вздохом упал в затертое кресло, списанное из какого-то высокого кабинета и подобранное Худолеем.

– Что скажешь? – спросил Пафнутьев.

– А что сказать, Паша! Жизнь человеческая – это совсем не то, что мы думаем!

– А что мы думаем?

– Мы уверены, что жизнь человеческая – это цаца!

– А на самом деле?

– Это действительно цаца, но не настолько, Паша, не настолько. Я совершенно в этом уверен.

– Полностью с тобой согласен, – вздохнул Пафнутьев и, открыв тумбочку, вынул из нее початую бутылку водки. Худолей смотрел на Пафнутьева широко раскрытыми глазами – с руководством происходило нечто непонятное. А Пафнутьев тем временем достал из тумбочки два стакана, литровую банку, на дне которой теснились два соленых огурца, выловил их оба, один протянул Худолею, разлил водку в оба стакана. – Ты как?

– Если ты, Паша, думаешь, что задал мне вопрос, то глубоко ошибаешься. Это, Паша, не вопрос, это предложение, отказаться от которого не имеет права ни один здравомыслящий человек! Я всегда, Паша, был уверен, что ты не просто...

– Будем живы, – сказал Пафнутьев буднично и, глухо ткнувшись своим стаканом в стакан Худолея, спокойно, не торопясь, выпил водку до дна. Откусив половинку огурца, Пафнутьев остаток положил на тумбочку.

– Твое здоровье, Паша. – Худолей тоже выпил свою водку.

– Огурцы сам солил?

– Света.

– Как Света?

– Она меня любит, Паша. А я – ее.

– Это правильно. Когда не любишь, огурцы не получаются. Скулы сводит.

– У нее все получается, Паша. И у нас все получается.

– Это хорошо, – одобрил Пафнутьев. – Так и надо.

– У тебя все в порядке? – спросил Худолей осторожно.

– Да вроде бы...

– А как понимать? – Худолей кивнул на пустые стаканы.

– Понятия не имею! Как говорится, на ровном месте.

– Бывает, Паша, это бывает! – убежденно ответил Худолей. – Помню, как-то в молодости, когда я был глуп и счастлив, однажды...

– Собраться бы, – проговорил Пафнутьев, воспользовавшись паузой. – Давно с ребятами не виделись...

– Надо! – твердо сказал Худолей. – Есть повод?

– Очень глупый вопрос.

– И опять согласен! Действительно, о поводе может спросить только глупый человек. Поводов в жизни видимо-невидимо! Стоит только оглянуться вокруг, как ты замечаешь, что этих поводов – как комаров на берегу реки в теплую летнюю ночь, когда кипит котелок с ухой, а рядом... Да! Чуть не забыл – тебя начальство спрашивало. Интересовалось. Видеть желало. Увидишь, говорит, Павла Николаевича, это тебя, значит, срочно ко мне.

– Что ж ты раньше не сказал? – спросил Пафнутьев. – До этого. – Он показал на пустые стаканы.

– Паша! – вскричал Худолей. – И ты бы меня простил? Если бы я тебя остановил в этот святой миг, ты бы меня простил? Я в это не верю, Паша! Я никогда в это не поверю!

– Ладно, проехали. – Вздыхнув, Пафнутьев взял вторую половинку огурца. – Прокурор больше ничего не добавил?

– Ничегошеньки, Паша... Но понял я, почувствовал и осознал, что зла на тебя он не имеет. Легко так спросил, беззлобно. Но со вторым дном, так я понял. Другими словами, Паша, он не то чтобы соскучился по тебе, вряд ли он по тебе соскучился, но второе дно в его словах... Как бы это сказать... Наличествовало.

– Что-то ты мудрено стал выражаться, – проворчал Пафнутьев, поднимаясь.

– От робости! – быстро ответил Худолей. – От осознания собственной никчемности! А что! Так бывает, так с кем угодно может случиться, если человек сталкивается с такой глыбой, с таким человечием, как ты, Паша!

– Разберемся, – и, откинув шпингалет, Пафнутьев вышел в коридор.

– Ни пуха! – успел сказать Худолей.

– К черту, – пробормотал Пафнутьев, шагая по коридору к прокурорскому кабинету. Прежней поощрительности в его глазах уже не было. Как и каждый служивый человек, вызванный к начальству, он шел, четко печатая шаг, всем видом своим показывая готовность нести службу, докладывать, отчитываться и радовать руководство усердием и исполнительностью. Правда, надо сказать, что и усердие и исполнительность у Пафнутьева были довольно своеобразными, они были, да, он их проявлял и всячески подчеркивал, но в то же время начальство явственно ощущало, что последнее слово Пафнутьев оставляет все-таки за собой, что его подчиненность идет не от робости или усердия, а скорее от хорошего настроения. Да, Пафнутьев мог выглядеть угодливым, но и это шло опять же от куража. Во, добрались мы наконец до точного слова. Доброжелательный, снисходительный, незлобивый, но все-таки кураж.

– Позвольте, Николай Иванович? – Пафнутьев просунул голову в чуть приоткрытую дверь.

– А, Паша, заходи! – Полный, румяный, молодой прокурор Николай Иванович Гордюшин призывно замахал обеими руками. Пафнутьев хотел было сесть на стуле у двери, но прокурор решительно указал ему на стул у приставного столика. – Не валяй дурака, Паша, – строго сказал он.

– Прошу прощения. – Пафнутьев несмело приблизился, папочку положил на край стола, даже удивительно было, что она не свалилась на пол, сам сел если и не на самый краешек стула, то достаточно далеко от спинки. – Худолей сказал мне, что вы...

– Да! Правильно сказал! Я... В общем, ты с ним общаешься больше, чем со мной, и потому я подумал, что он скорее тебя найдет... Как видишь, я не ошибся в своих предположениях.

– Извините, Николай Иванович.

– За что?

– Ну, вообще... Если что не так.

– Кончай, Паша. Скажи мне лучше вот что... Твоя работа тебе нравится?

– Я в детстве стихи писал.

– Книжку подаришь?

– До книжки дело не дошло. Все кончилось несчастной любовью. Я так понимаю, Николай Иванович... Любовь не бывает счастливой. Если это любовь, то она просто обязана быть несчастной. А если она счастливая, то это уже брак.

– В каком смысле? – рассмеялся Гордюшин.

– Во всех, – серьезно ответил Пафнутьев. – А что касается... Нравится, не нравится... Хотите уволить?

– Уволить? – Гордюшин задумался, словно ему самому такая мысль в голову не приходила, но сейчас, произнесенная Пафнутьевым, понравилась. – Ну, что ж, – наконец произнес он, – идея неплохая, но преждевременная. Есть нечто более насущное.

– Наверно, кого-нибудь убили?

– Убили? – Прокурор любил переспрашивать собеседника, словно смысл сказанного то ли доходил до него не сразу, то ли изумлял своей неожиданностью. – Убили. Веру убили.

– А любовь выжила? Надежда осталась?

– Надежда? Надежда, Паша, умирает последней. А ты должен позаботиться о том, чтобы она вовсе не испустила дух. И чтобы любовь тоже сохранилась.

– Я постараюсь, – кивнул Пафнутьев.

– Это хорошо. Усердие в подчиненных мне всегда нравилось. Все ты, Паша, шутишь, ерничаешь, придуриваешься.

– Каждый спасается по-своему.

– Да? – удивился Гордюшин. – А что, мысль неплохая. Но есть, Паша, вещи, которыми не шутят. Командировка тебе светит.

– В Париж?

– Ха! А знаешь, ты ведь в десятку попал.

– Есть вещи, которыми не шутят, Николай Иванович.

– А я и не собираюсь с тобой шутки шутить. Мне есть с кем шутки шутить, – с легкой обидой произнес Гордюшин.

– Красивая?

– Кто?

– Ну эта... С которой вы шутки шутите.

– А вот с ней, Паша, я шуток себе не позволяю. Знаешь почему? Потому что есть вещи, которыми не шутят. С ней у меня все очень серьезно.

– И до развода может дойти?

– К тому идет, к тому идет. – Прокурор горестно покачал головой. – Ладно, разберемся... А что касается Парижа, будет и Париж, все будет. А пока в Москву тебе, Паша, надо ехать. Тесно тебе здесь, развернуться негде. В Генеральной прокуратуре ждут тебя не дождутся.

– За что, Николай Иванович? Я вроде как бы того... Вел себя пристойно, взятки только в исключительных случаях, да и то по необходимости...

– Остановись, Паша... У тебя скоро будет хорошая возможность потрепаться на все эти темы. Слушай сюда... Позвонили из Генеральной, спросили... Нет ли, говорят, у вас хорошего следователя... Такой, чтоб весь из себя талантливый был, способный, бескорыстный... После таких слов я сразу о тебе и подумал. Особенно взятками интересовались.

– В каком смысле? – Пафнутьев невольно осел в кресле.

– В смысле иммунитета. Чтоб, говорят, алчностью не страдал. Алчных у них своих хватает, многовато алчных людей развелось в нашей с тобой столице. И все талантливые, способные.

– Значит, придурок им нужен?

– Можно и так сказать. Взятки тебе там будут совать... Тыщами, а может, и миллионами.

– В долларах?

– Конечно.

– Я согласен. И с вами поделюсь, Николай Иванович. Вам ведь расходы предстоят.

– Какие?

– Квартиру жене оставите, новое хозяйство заводить надо. Ведь вы ко всему серьезно относитесь.

– Они поставили одно условие, – невозмутимо продолжал Гордюшин. – Я должен записать этот наш разговор с тобой, Паша, и передать им. Чтобы они знали, с кем будут иметь дело.

– Ну вот видите, Николай Иванович, как все хорошо получается. Я могу идти? – Пафнутьев поднялся.

– Сядь, Паша. Значит, так... Ты сейчас выйдешь из кабинета и снова зайдешь ко мне. И мы с тобой этот разговор повторим. Только без взяток, любовниц, разрушенных семей и прочей ерунды. Seriously, ответственно, с пониманием важности предстоящей работы.

– Тогда уж они точно пошлют меня подальше.

– А это уже их дело, – жестко сказал Гордюшин. – Как я понимаю, суть в следующем... У них там, в Москве, нет человека, которому могли бы довериться. На службе у этих новых богатеев не только газеты, журналы, телевизионные каналы, не только милицмейские полковники и генералы... Да и оборотни, как их нынче называют, тоже не при одних лишь милицмейских погонах, их достаточно и в прокурорских мундирах... Думаешь, самое страшное то, что мы продали нефть, газ, заводы? Нет, Паша, есть нечто пострашнее... Людей продали. Дали им право, законное, нравственное право продаваться.

– Это как? – спросил Пафнутьев.

– Если их на государственном уровне обобрали до нитки, если человеку назначили пенсию в несколько раз ниже прожиточного минимума! Мы можем его судить за пустяковую подпись, если ему за эту подпись дали сразу сто пенсий? Можно его судить?

– Осуждать не можем, а судить должны. И судим. И неплохо получается. – Пафнутьев передернул плечами, дескать, стоит ли говорить о таких пустяках.

Гордюшин помолчал, повертел ручку на полированной поверхности стола, поднял глаза на Пафнутьева.

– Паша, им не на кого положиться. Они все там проданы-запроданы. Пропадают документы, фотографии, свидетели отказываются от собственных показаний... А как не отказаться, если тебе предлагают десять тысяч долларов? Паша, речь идет об очень серьезном расследовании. Очень серьезном.

– Олигарх небось?

– Олигарх. Магнат. Миллиардер. Называй его как хочешь.

– Крутой?

– Круче не бывает.

– Я его знаю?

– Страна знает, мир знает.

– Неприкасаемый?

– Да, Паша, да! Именно так! Неприкасаемый.

– А мне, значит, будет позволено? – спросил Пафнутьев, рассматривая собственные ладони.

– Более того, ты будешь просто обязан к нему прикоснуться.

– Так он же небось еще и депутат?

– А тебе это по фигу и даже на фиг!

– До сих пор подобное не поощрялось.

– Времена меняются.

– Кто он?

Не отвечая, Гордюшин вынул из ящика стола большую фотографию и протянул Пафнутьеву. Тот осторожно взял, повернул снимок, поскольку он оказался у него вверх ногами,

всмотрелся. Это был коллективный снимок, на нем было не меньше семи физиономий. Люди улыбались прямо в объектив, чувствовалось – только что были сказаны какие-то слова, которые всех их объединили, всех распотешили, и после этих кем-то произнесенных слов они стали еще ближе друг другу.

Все эти лица были Пафнутьеву хорошо знакомы.

В центре стоял президент, пониже других ростом, стройнее, моложе. И улыбка у него была если и не мальчишеская, то какая-то чуть сконфуженная, видимо, он и пошутил за несколько секунд до щелчка фотоаппарата и сам же смутился откровенности своей шутки. Но все остальные его словам обрадовались, какую-то тяжесть снял с них президент словами, которое прозвучали только что, в чем-то он их успокоил, заверил, в чем-то важном согласился с ними.

– Ни фиги себе, – пробормотал Пафнутьев, совершенно не представляя, кем именно ему придется заниматься.

– Вот так, дорогой, вот так, – сокрушенно проговорил Гордюшин. Это тебе не наши местное разборки, это маленько покруче.

– Надеюсь... Мой клиент... Не президент? – Пафнутьев несмело поднял глаза на Гордюшина.

– Пока нет.

– А что... Есть надежда?

– Вот что касается предыдущего президента, то я бы охотно отдал тебе в руки. Уж ты бы его раскрутил, уж ты бы его поприжал.

– С удовольствием, – кивнул Пафнутьев.

– Чуть попозже, – произнес Гордюшин привычные пафнутьевские слова. – Чуть попозже, Паша.

– А сейчас?

– Вот этот. – Перегнувшись через стол, прокурор ткнул розовым пальцем в улыбающуюся щекастую физиономию.

– Ни фиги себе! – охнул Пафнутьев. – Владелец заводов, газет, пароходов?

– То, что ты перечислил, – это сотая часть того, чем он владеет. Но главный твой враг – газеты. Бойся газет, Паша. Совсем скоро ты столько о себе прочитаешь, ты столько о себе узнаешь нового... Волосы дыбом. Понял? Волосы дыбом.

– Вывод?

– Не читай газет, Паша. Особенно по утрам. Кто-то советовал не читать газет по утрам.

– Помню, – кивнул Пафнутьев. – Но насколько мне известно, этот господин, – он кивнул на фотографию, – часто бывает на других берегах?

– Дотянешься.

Пафнутьев взял фотографию и снова всмотрелся в знакомые лица. Да, президент улыбался, но как-то конфузливо, вроде и пошутил, но не совсем удачно, как бывает, когда шутку можно понять по-разному. Однако у окружающих этой конфузливости не было, они президентскую шаловливость поняли по-своему, и понятый ими смысл полностью их устраивал. Рассматривая большой, сверкающий глянец снимок, Пафнутьев, кажется, забыл, где находится и что ему нужно произнести.

– Кстати, этот снимок висит у него в кабинете, – сказал Гордюшин. – В золотой рамке. Под стеклом. Ты его увидишь. Ты его не один раз увидишь. Ты его увидишь в кабинетах всей этой компании. Каждый из этих проходимцев повесил его у себя. Как охранную грамоту. В золотой рамке. Под стеклом. Один из них даже додумался сделать эту фотографию размером в квадратный метр. Другой поместил ее на визитку. И так далее. От хорошей жизни так себя не ведут.

– А как себя ведут при хорошей жизни?

– При хорошей жизни, Паша, этот снимок можно поместить в семейный альбом. А если человек держит его в качестве брони... То к этому человеку надо присмотреться. Что тебе и предстоит сделать. – Гордюшин приподнялся со своего кресла, взял у Пафнутьева из рук фотографию и, достав из стола фломастер, обвел радостную физиономию на снимке красным кругом, а потом круг еще и пересек крестом. – Так он выглядит в оптический прицел. Кстати, он уже мелькал в оптическом прицеле, но...

– Но? – подхватил Пафнутьев.

– Ему везло. Он вообще везучий. Был.

– Почему был?

– Потому что я в тебя верю.

– Спасибо, – кивнул Пафнутьев. – Приятно слышать. Хотя бы на прощание.

– Не надо, Паша, меня дурить. У нас с тобой всегда было все в порядке. Разве нет?

– Было, – опять кивнул Пафнутьев. – Думаешь, стоит взяться?

– А почему бы и нет? – весело спросил прокурор. – Почему бы и нет, Паша?! Я ведь всех наших перебрал, пока тебя пригласил.

– Значит, выбор пал на меня?

– Да, Паша! Да!

– Почему?

– Знаешь, ответ очень простой... Они все робкие.

– А я?

– А тебе по фигу. Ты помнишь, какой первый вопрос задал сейчас вот, за этим столом?

– Конечно, нет.

– Ты спросил – не президент ли будет твоим клиентом. Когда я услышал эти твои слова, у меня отпали все сомнения.

– Надо же, – пробормотал Пафнутьев, поднимаясь. – Я возьму этот снимок?

– Конечно! Он твой.

– Снимок?

– И снимок, и этот тип. Его зовут Лубовский Юрий Яковлевич.

– Да уж знаю, личность известная, популярная, можно сказать, знаменитая. Страна знает своих героев.

– Когда я предупреждал тебя насчет газет, я имел в виду и радио, и телевидение, и народную молву.

– Понял. Когда?

– В понедельник утром на проходной в Генеральной прокуратуре тебя будет ждать пропуск. Не знаю, примет ли тебя Генеральный, но кто-то из высоких чинов, естественно, захочет с тобой побеседовать. Получишь справку, материал собран большой, подробный...

– Но недостаточный?

– Да, все, что собрано... Пустовато. Юрий Яковлевич... Очень осторожный человек. Практически он не оставляет следов.

– Так не бывает. Если он не оставляет следов, значит, их нужно искать в другом месте.

– Я рад, Паша, что у тебя уже есть план действий.

– Ха! – сказал Пафнутьев и, положив фотографию в свою папочку, медленно, будто все еще хотел о чем-то спросить, вышел из кабинета.

***

Странные какие-то посиделки получились у Пафнутьева в этот прощальный вечер. Вроде и не произошло ничего печального, озадачивающего, но все чувствовали – с другом происходит нечто важное, непредсказуемое. Шаланда сидел, уставившись в телевизор и подперев кулаками щеки. Худолей нашел в шкафу Халандовского альбом с изображением скифских

сокровищ и листал его медленно и безразлично. Причудливые золотые вещицы, изображавшие оленей, нисколько его не трогали, похоже, он их даже не видел.

А сам Халандовский... Нет, не носился он, как обычно, между кухней и комнатой, не кричал, не топал ногами радостно и жизнеутверждающе – передвигался размеренно, даже раздумчиво, что для него было уж совсем необычно. Мясо? Да, было пышущее мясо из духовки, мясо, от которого распространялся совершенно непереносимый дух специй. И водка была, заиндевшая большая бутылка прямо из морозилки, и громадная жаркая ладонь Халандовского, как обычно, отпечаталась на ней во всех подробностях, со всеми линиями сердца, ума, любви, с бугорками Венеры и Юпитера, с возрастными пометками и настораживающими пересечениями линий...

Но и мясо, и эту бутылку он расставлял на столе с какой-то обреченностью. Руки его были опущены, и не смотрел Халандовский ни на кого, и не сверкали его глаза радостным блеском. Пафнутьев пытался ему помочь, но тот вялым движением полноватой руки отодвинул его в сторону, указал на диван – сиди, дескать, и не путайся под ногами.

– Прошу к столу, – мрачно произнес Халандовский, приглашающе шевельнув рукой. И первым тяжело опустился на стул.

– О! Водка! – радостно воскликнул Худолей, чтобы хоть как-то разрядить молчание.

– Действительно, – подхватил Шаланда. – И неплохая вроде бы водка.

– А ты здесь пил плохую? – проворчал Халандовский.

– Плохую водку здесь не подают, – заговорил наконец Пафнутьев, – но и к такому вот гробовому молчанию я тоже, Аркаша, не привык. Недоработка, прости меня.

– Чего же тебе здесь не хватает? Девушек?

– И девушки не помешали бы, уж коли у тебя для гостей не нашлось самой заваливающей улыбки. Нет улыбки – ухмылка сойдет. Нет ухмылки – хоть оскалься по-звериному!

Халандовский с хрустом, одним движением сильной руки свинтил пробку и разлил тяжело льющуюся водку по стаканам. Да, на этот раз на столе были стаканы, не слишком большие, но все-таки стаканы, граммов этак на сто пятьдесят. И в этом маленьком обстоятельстве тоже таилась халандовская мыслишка – дескать, сегодня, ребята, мы не просто так сидим, сегодня нам надо поддать, поскольку повод.

– Прошу чокнуться, – без улыбки произнес Халандовский. – Пока нам это еще доступно.

Ткнувшись своим стаканом в стаканы Шаланды, Худолея и Пафнутьева, Халандовский выпил до дна, да так и остался сидеть с пустым стаканом в руке.

– Будем живы! – воскликнул Худолей, и опять не удалось ему расшевелить компанию. – А между прочим, хотя, конечно, вы мне и не поверите... Следы всегда остаются.

– Это ты к чему? – хмуро глянул на него Шаланда.

– Не надо меня переубеждать! Что бы вы там ни говорили... Нет! Я не согласен! – Худолей убежденно покачал головой. – Это может быть отпечаток пальца, уха, губы... Даже, прости меня, зад... Тоже может оставить свой неповторимый след. Как по размеру, так и по рисунку. Помню один зад...

– Худолею больше не наливать, – сказал Пафнутьев.

– Да, – крикнул Шаланда. – Слабеют лучшие люди.

– Ну вот и разговорились! – рассмеялся Худолей. – А, Паша?

– Похоже на то.

– А ведь тебе там эксперт понадобится, а? Знающий, опытный, человек, которому ты можешь полностью доверять, а?

– Видимо, – кивнул Пафнутьев. – И начальник милиции, свой, личный, да, Шаланда? И директор гастронома... Как ты думаешь, Аркаша? Согласен приобрести гастроном в Москве?

Халандовский, не торопясь, снова наполнил стаканы, нарезал мясо, принес с кухни зелень, видимо, забытую для первого тоста, молча чокнулся с каждым, выпил, опять же, не торопясь, закусил и, отложив вилку и нож, в упор посмотрел на Пафнутьева.

– Куражишься, Паша? Веселишься? Ликуешь?

– Аркаша, в такой компании мне больше ничего не остается... Да, ликую, да, веселюсь.

– Паша... Твой прокурор... Как его, Гордюшин? Так вот этот Гордюшин не сказал тебе главного... Ты ведь не первый, кто берется за Лубовского. И не второй, Паша.

– А где же предыдущие?

– Их нету, Паша.

– Как нету?

– Были и исчезли. Одного до сих пор найти не могут... А второго нашли... Но для жизни тело уже было непригодно. На нем были повреждения, несовместимые с жизнью. А поначалу дела у них пошли куда как хорошо... Очные ставки, письменные свидетельства, расписки, касеты, фотографии...

– Ты хочешь сказать...

– Да, Паша. Именно это я и хочу тебе сказать. Откажись, Паша, пока не поздно. Откажись. Я не говорю, что он тебе не по зубам, он не по зубам нашему правосудию. Лубовский прошел хорошую школу и никогда ни перед чем не останавливался. Следы, которые он оставляет после себя, зачищают лучшие юристы. Свидетели или замолкают, или исчезают.

– Навсегда? – уточнил Пафнутьев.

– Да, Паша, навсегда. Кстати, нечто похожее происходило и с некоторыми следователями, которые пытались... В общем, которые пытались.

– Надо же, – озадачился Пафнутьев. – Прямо монстр какой-то.

– Паша, монстр – это Чебурашка по сравнению с ним. Просто Чебурашка из мультфильма. Шаланда, скажи!

Шаланда, не торопясь, заглянул в свой стакан, убедился, что он пуст, и, отставив его подальше от себя, поднял на Пафнутьева печальные глаза.

– На мой взгляд, Паша, в нашем городе столько работы, столько работы для тебя, а преступников... так их вообще с каждым годом все больше. Они плодятся, Паша, как... как...

– Как кошки, – подсказал Худолей.

– Думай, Паша, думай, – сказал Халандовский.

– А чего думать, – фыркнул Пафнутьев. – У нас еще полбутылки на столе.

– Не о том думаешь, Паша, – обидчиво проговорил Халандовский. – У нас еще и в холодильнике кое-что осталось. Не переживай, это мои проблемы. Ты вот со своими разберись.

На какое-то время за столом наступило молчание. Что-то дожевывал Худолей, потом Халандовский решил наполнить стаканы, и он их наполнил бестрепетной своей мохнатой рукой, Шаланда тяжело и шумно вздыхал, склоняя голову то к одному плечу, то к другому, и только Пафнутьев, казалось, был беззаботен – он аппетитно закусывал, укладывая укроп и петрушку на горячие еще куски мяса, потом молча допил оставшуюся в своем стакане водку, выразительно посмотрел на Халандовского, дескать, пора наливать.

И тот послушно разлил по стаканам остатки водки.

– Между прочим, – неожиданно оживился Халандовский, – его фамилию иногда произносят как Дубовский, имея в виду не слово «дуб», как некоторым может показаться, намекают на слово «дубина». А дубина, Паша, это оружие. Безжалостное, всесокрушающее, всесминающее оружие. Это не тонкий изящный ножичек, это не молчаливая пуля, не аристократический яд... Это дубина, Паша, которая проламывает черепа и крошит ребра.

– Ишь ты, – проговорил Пафнутьев с набитым ртом. – Надо же.

– Хорошо, скажу. – Поставив локти на стол, Халандовский некоторое время сидел молча, уставившись в тарелку. – Если ты так хочешь, пожалуйста... Он мне звонил.

– Кто? – спросил Пафнутьев.

– Лубовский. Он уже знает о тебе. Он знает о тебе больше, чем ты о нем. Твое досье, Паша, у него на столе. Он, Паша, уже назначил человека, который будет тобой заниматься. Но я этого человека не знаю.

– А с Лубовским ты знаком?

– Да, Паша. И достаточно давно. Мы с ним когда-то начинали с наперстков, потом у нас было спортлото, какая-то благотворительная лотерея... Мы с ним даже книжки издавали, но пролетели на реализации. Нас кинули. Потом он кинул меня, но я не обиделся, это было нормально. Так было принято в начале девяностых.

– Но ты ведь его не кинул?

– Я глупее, Паша. Тогда же наши пути и разошлись.

– Ему повезло больше? – спросил Шаланда.

– Не уверен, – ответил Халандовский, не отрывая взгляда от своей опустевшей тарелки. – Не уверен, Жора, – повторил он. – Не уверен.

– Так, – протянул Пафнутьев. – Это что же получается...

– Это получается, Паша, что у него свои люди в прокуратуре, – сказал Худолей. – Я имею в виду Генеральную прокуратуру. А почему нет? Это нормально, как выражается наш друг и гостеприимный хозяин Халандовский. Так принято.

– Паша... – Халандовский помолчал. – Как ты поступишь?

– А я уже поступил, – беззаботно отметил Пафнутьев.

– Ты поедешь в Москву?

– Да.

– Зачем, Паша?

– Понятия не имею!

– Нет, Паша, ты ответь. Может быть, ты хочешь сделать блестящую карьеру? Или получить много денег? Может быть, ты решил перебраться в столицу, а мы все тебе давно наскучили? Тебе уже предложили квартиру, должность, зарплату? Или Вика толкает тебя на это безрассудство? Давай мы с ней поговорим, Паша, мы с ней строго поговорим. Мы не позволим...

– Остановись, Аркаша. Не надо говорить с Викой. Вам не о чем с ней говорить. Она будет на твоей стороне. – Пафнутьев отодвинул от себя тарелку, вилку, нож, отодвинул пустой стакан, словно освобождая на столе место для разговора, откровенного и жесткого. Он даже крошки хлеба смел ладонью, чтобы перед ним была только чистая белая скатерть. Подняв голову, он каждому посмотрел в глаза. – Видите ли, ребята... Живем мы с вами, живем... Водку пьем... Мясо кушаем... Анекдотами тешимся... Начальство материм... От женской темы не уклоняемся... Обо всем мнение имеем... О загробной жизни можем поговорить со знанием дела, о покорении Гималаев, о вреде и пользе гемоглобина... О президенте можем умное словечко обронить, и не только о своем президенте... Знаем, например, что Буш выборы проиграл, а правит, войны объявляет, других учит, как надо выборы проводить... Потому – сила. Сила ломит и соломушку, поклонись пониже ей, да? Классик сказал. Со школы еще помню. Чтобы старшие Еремушку в люди вывели скорей, да? Другими словами – кланяйся, кланяйся, кланяйся – авось что-то и обломится. Поляки кинулись вслед за Бушем в Ирак, авось что-то обломится. Уже цинковые гробы получают. Хохлы рванули следом – авось обломится, покушать дадут с барского стола. Наш тоже позволяет себя по спинке похлопывать... Этак поощрительно... Бабу свою Буш все по жопе похлопывает, а нашего – по спинке... Молодцы, дескать, хозяина знаете... А я не хочу, Аркаша, я не хочу пластаться перед твоим Лубовским.

– Он не мой!

– Но сегодня, за этим столом, его интересы ты представляешь, Аркаша.

– Остановись, Паша, не надо. Не обижай. Я не заслужил.

– Да я не в обиду, Аркаша. Ты спросил – почему? Я ответил. Они все взяли, да? У них все схвачено, да? Что у Буша, что у Лубовского... Везде поспели, урвали, кто под ногами путался – кинули. Убрали, устранили. Да? Того найти не могут, того нашли, но он для жизни оказался уже непригодным. Ребята, я ведь и раньше не вел себя иначе.

– Помним, – кивнул Шаланда.

– Ну, хорошо. – Пафнутьев помолчал. – Хорошо... Слиняю. Откажусь. Не поеду. Причин я могу для этого привести больше, чем ты, Аркаша, перечислил. Шаланда бандюгу выпустит, а что... Протокол перепишет и выпустит, да, Жора? Худолей снимки продаст с места преступления... А что, по тысяче долларов за штуку продашь?

– Запросто! – Худолей согласился так быстро и так охотно, что было ясно – не продаст.

– И после всего этого мы снова соберемся здесь, за этим потрясающим столом... Водочки выпьем, мясца покушаем... Но поговорить толком ни о чем не сможем, права у нас такого не будет. Анекдоты про баб? Не пойдут, ребята. Не будет у нас такого права, ни в чем мы их не лучше, не умнее, не отчаяннее! Гималаи? Запретная для нас тема, мы можем говорить о Гималаях, пока у нас остается возможность их покорить. Сейчас пока остается. Президентов материть? Ни фиги, ребята. Мы можем их материть до тех пор, пока считаем, хотя бы считаем себя чище их, честнее, мужественнее! Мы будем сидеть, пить водку и кушать мясцо. Мы уже не сможем есть мясо, мы будем кушать мясцо! Облизывая пальцы и вытирая ладонями жирные губы! Я хочу ехать в Москву? Не хочу. Я боюсь туда ехать? Боюсь. Но я поеду. Я не имею права отказаться от этого предложения. Чем бы мне это ни грозило. Иначе я не смогу пить водку, есть мясо, смеяться и плакать, общаться с женщинами и рассуждать о Гималаях, будь они трижды прокляты! Если мы все поступим так, как я только что сказал... Мы, конечно, останемся людьми, но не совсем, не совсем, ребята. Внешне нас, конечно, не отличить от прежних, знакомые будут узнавать, и женщины от нас отшатнутся не все, не все... Но мы-то сами будем про себя знать кое-что важное, мы будем знать, что мы не совсем люди, не совсем. Такие дела.

– Как ты прав, Паша! – вскричал Худолей. – Как ты прав! Я всегда говорил, Паша, мне в жизни невероятно повезло, что судьба свела меня с таким вот...

– Помолчи! – сказал Халандовский. – Ну, что ж, Паша, пусть так. Пусть, – Халандовский поднялся из-за стола, подошел к книжному шкафу и, выдернув зажатую между книг фотографию, вручил ее Пафнутьеву. Тот взял, всмотрелся и передал Шаланде. – Паша, ты невнимательно ее посмотрел... Справа от президента – Лубовский, Юрий Яковлевич. Твой клиент.

– У меня есть этот снимок, – спокойно сказал Пафнутьев. – Прокурор сегодня подарил. На долгую и добрую память.

– Да? – удивился Халандовский. – А я думал, что такой снимок есть только у меня. Тем лучше... Значит, ты представляешь, что тебя ожидает.

Полюбовавшись снимком, Шаланда передал его Худолею.

– Ни фиги себе! – закричал тот. – Какая приятная компашка!

– Была, – негромко обронил Халандовский. – Еще одно, Паша... Тебе есть куда отправить Вику и дите?

– Думаешь, это необходимо?

– А тут и думать нечего. У тебя есть надежное место, о котором никто не знает? Твои или Викины родственники отпадают, однополчане отпадают, близкие друзья отпадают...

– Неужели все это просчитывается? – озадачился Пафнутьев.

– Паша! – укоризненно воскликнул Халандовский. – Я дам тебе адрес в близлежащей стране. Сразу говорю – я не покажу его ни Худолею, ни Шаланде. О нем будут знать только двое – ты и я. И все. И никто больше.

– Двое – это многовато, – без улыбки сказал Пафнутьев. – Это слишком много. И потом... Если Лубовский зажмет тебе пальцы в дверь, ты ведь ему этот адрес дашь.

– Ни за что!

– А зачем тебе рисковать пальцами или еще чем-то... Спасибо, Аркаша, но не возьму я у тебя этот адрес.

– Почему?!

– Двое – это многовато.

– Когда уезжаешь? – спросил Шаланда.

– На понедельник заказан пропуск.

– А когда отправляешь Вику?

– Ох, Жора! Ты такой любопытный...

– Я любознательный, – хмуро поправил Шаланда. – Не хочешь говорить – не говори. Это правильно. Добираться самолетом?

– Еще не решил, – широко улыбнулся Пафнутьев.

– В случае чего – звони. Подмогнем, как сможем.

– Я уже подумал об этом.

– Я пошел, – сказал Халандовский.

– Куда?

– К холодильнику.

– Это правильно, – одобрил Худолей. – Должен сказать, что меня всегда в нашем хозяине поражала трезвость мышления. Очень ценное качество. По себе знаю. Может, чего помочь?

– Перебуюсь, – ответил Халандовский уже из коридора.

И тут прозвенел телефонный звонок. Как всегда бывает в таких случаях, неожиданно, резко и даже с каким-то вызывающим нахальством. Халандовский быстро вернулся в комнату, на ходу поставил бутылку на стол и поднял трубку.

– Да! – крикнул он, давая понять звонившему, что разговаривать долго не намерен.

– Аркаша? – прозвучал в трубке вкрадчивый, доброжелательный голос. – Здравствуй, Аркаша... Как поживаешь?

– Не жалуюсь. – Халандовский повернулся к столу и сделал страшные глаза – дескать, замрите все, замолчите и затаитесь.

– Но ты ведь никогда не жаловался, да?

– Старался.

– У тебя новости?

– Да вроде ничего такого, чтобы...

– Гости собрались?

– Это не новость, Юра... Они у меня собираются время от времени.

– Но сегодня повод, да?

– Повод? – Халандовский был явно растерян, что бывало с ним не часто, что вообще-то и не бывало с ним никогда, но сейчас замершие его гости видели Халандовского совершенно не таким, каким привыкли видеть, – он неприкаянно раскачивался из стороны в сторону, косил черным своим глазом в сторону гостей, давая понять, что его команда «Затихнуть!» остается в силе.

– Пашу провожаете? – спросил голос в трубке.

– Пашу? – опять переспросил Халандовский.

– Он ведь у тебя? За столом?

– Вроде того...

– Дай ему трубку, пожалуйста. На два слова.

– Трубку? – Халандовский явно не мог прийти в себя.

– Аркаша, успокойся, – произнес голос улыбочиво. – Я не оторву его от вашей компании надолго. Так, минутка, вторая... Не больше.

– Хорошо. – Опустив руку с трубкой вдоль тела, Халандовский запрокинул голову и некоторое время стоял, молча глядя в потолок. Потом тяжело вздохнул, повернул свое лицо к Паф-

нутьеву, посмотрел на него печальными своими глазами и наконец протянул трубку. – Тебя, – сказал обреченно.

– Кто? – Пафнутьев поднялся, подошел.

– Лубовский. Видимо, из Парижа. Или из Лондона.

На секунду, не больше, только на секунду замер Пафнутьев, остановившись перед Халандовским. Он уже протянул руку к трубке, качнулся вперед, чтобы сделать еще один шаг, но, услышав фамилию звонившего, замер в движении, как это бывает в сказках, когда принцесса нечаянно уколет палец веретеном и сбывается страшное пророчество колдуньи. Пафнутьев беспомощно оглянулся на Худолея и Шаланду, снова повернулся к Халандовскому и наконец взял трубку.

– Пафнутьев на проводе! – с напором произнес он, гася в себе растерянность.

– Здравствуйте, Павел Николаевич. – Голос Лубовского был таким же вкрадчивым и доброжелательным. – Извините, что нарушил вашу беседу... Водка у Аркаши такая же холодная?

– Гораздо холоднее, чем обычно, – заверил Пафнутьев.

– Это Лубовский беспокоит.

– Да уж догадался.

– Догадался? Как?

– По голосу, – весело ответил Пафнутьев. Он уже пришел в себя и готов был разговаривать долго и неуязвимо.

– Это приятно. – Теперь уже был озадачен Лубовский. – У меня такое ощущение, что мы с вами можем встретиться.

– Пути господни неисповедимы! – воскликнул Пафнутьев.

– То есть... Вы подтверждаете мою догадку? – в голосе Лубовского явно поубавилось и вкрадчивости, и доброжелательности. Он как бы посерьезнел. Дурацкие вскрики Пафнутьева, похоже, его озадачили.

– Господи! – продолжал радоваться Пафнутьев. – Юрий Яковлевич! Да после халандовской водки, после халандовского мяса я готов подтвердить все, что угодно!

– Мне приятно сознавать, Павел Николаевич, что у нас общие друзья.

– Взаимно, Юрий Яковлевич!

– Мне говорили о вас как о человеке опытным, справедливым, обладающем высокими профессиональными качествами.

– Да, я такой, – заверил Пафнутьев, посерьезнев.

– Всего доброго, Павел Николаевич. Думаю, мы сработаемся.

– До скорой встречи! – воскликнул Пафнутьев и тут же положил трубку, поскольку его запал заканчивался и продолжать разговор в таком же тоне он уже не мог. – До скорой встречи, дорогой, – проговорил он уже нормальным голосом и с тяжким вздохом опустил на свой стул.

– Хорошие у тебя друзья, Аркаша.

– Стараюсь, – сдержанно ответил Халандовский.

– Похоже, он узнал о моей командировке в Москву раньше меня.

– Наверняка. Так, Паша, будет продолжаться и впредь. Не исключено, что о твоих планах, задумках он будет знать до того, как эти планы и задумки созреют в твоей голове.

– Вот такой монстр?

– Как видишь.

– Ты не звонил ему, не сообщал, что я у тебя буду за этим вот столом?

– Паша! – укоризненно возопил Халандовский.

– Тогда наливай, – и Пафнутьев выдвинул свой стакан к середине стола.

***

Проснулся Пафнутьев на удивление свежим, будто и не было вчерашнего перебора у Халандовского. Некоторое время он лежал, глядя в потолок и припоминая подробности заты-

нувшегося застолья, звонок Лубовского не то из Парижа, не то из Лондона, напутствия и предостережения друзей, которые сыпались на него в этот вечер в невиданном изобилии. Совершенно не думая о предстоящей командировке, он с удивлением обнаружил, что все решения уже приняты, что он знает, что делать, как поступить, в каком порядке. Пафнутьев частенько ловил себя на этой странности – не напрягаясь и не терзаясь, он позволял организму самому принимать решения. И беззаботно занимался всякой мелочовкой, встречался с друзьями, шатался по городу, наблюдая быстротекущую жизнь, а вечером заваливался спать. Но наутро, наутро обнаруживал, что работа проделана, выводы сделаны, решения готовы и ему остается лишь выполнить все то, что кто-то для него подготовил тщательно и безошибочно. Есть старая русская сказка, в которой злая мачеха измывается над падчерицей, заставляя ее выполнять непосильную работу – перебирать зерно, прибирать избу, мыть и стирать. Но той помогают мыши, птички и прочая мелкая живность. Девочка спокойно ложится спать, а утром с удивлением обнаруживает, что вся работа выполнена.

Нечто похожее происходило и с Пафнутьевым, правда, не общался он ни с воробьями, ни с мышами, хотя не отказался бы, да и кто откажется...

Встав с кровати, он прошлепал босыми ногами на кухню, заварил большую чашку крепкого чая и, втиснувшись в угол, сделал первый глоток. Через некоторое время в дверях появилась Вика. Постояв, тоже присела к столу, запахнув поплотнее халат.

– Пьешь? – спросила она.

– Пью.

– Это хорошо. У меня такое чувство, будто ты хочешь мне что-то сказать.

– Хочу.

– Говори. Внимательно тебя слушаю.

– Значит, так. – Пафнутьев замолчал, отвлеченный очередным глотком чая.

– Говори, говори, Паша. – Вика подперла подбородок кулачком. – Ты еще вчера вечером пытался что-то сказать, но силы тебя оставили. Так бывает, я привыкла.

– Неужели пытался? – удивился Пафнутьев.

– Ты произнес слово «командировка».

– Ага... Выходит, я был достаточно трезв. Все правильно... Значит, так... Еду в командировку. В Москву. Генеральная прокуратура. Особое задание. Сложное, опасное, чреватое.

– Надолго?

– Не знаю. Но что-то подсказывает мне, что она может затянуться. Такое ощущение.

– Тебе светит повышение?

– Вряд ли... Скорее всего это только командировка.

– Вернешься?

– Постараюсь.

– Можешь и не вернуться?

– Чего не бывает в нашей жизни, полной волчьих ям, медвежьих углов, лисьих нор...

– Ну, что ж... – Вика поднялась.

– Подожди. Сядь, – в голосе Пафнутьева впервые в это утро прозвучала твердость. – Я не все сказал... Есть еще кое-что...

– Слушаю. – Вика остановилась, но не присела, осталась стоять в дверях.

– Сегодня ты уезжаешь. С Наташкой.

– Куда? Зачем? Почему?

– Вам опасно здесь оставаться.

– Никуда я не поеду.

– Поедешь, – и Пафнутьев снова опустил нос в чашку.

Вика села. Взяла пафнутьевскую чашку с чаем, сделала несколько глотков, придвинула чашку Пафнутьеву.

– Говори, Паша, – сказала она.

– У тебя есть три часа на сборы. В двенадцать подъедет Худолей и отвезет вас в деревню. К своей тетке.

– Я ее не знаю! В глаза не видела!

– Это главное ее достоинство, – невозмутимо произнес Пафнутьев. – В любом другом месте тебя могут найти, а вот у худолеевской тетки тебя не найдет никто и никогда. О том, что ты у нее, будут знать три человека. Ты, я и Худолей.

– И тетка, – добавила Вика.

– Да, конечно, тетка тоже будет догадываться, что ты с дитем живешь у нее. Условия там приличные, отдельная комната, окно в сад, колодец во дворе, картошка в огороде. Но никто, слушай внимательно, ни близкие подруги, ни дальние родственники не должны знать, где ты.

– Но я должна как-то объяснить людям...

– Ты думаешь, им это нужно?

– Кому?

– Людям, о которых ты так беспокоишься. Скажи всем, что поехала в Крым. Или лучше на Азовское море. С малыми детьми люди обычно едут именно на Азовское море. На Арабатскую стрелку. Там море чистое, дно пологое, правда, не песок, а ракушечник. Там совершенно потрясающий ракушечник.

– Может, мне в самом деле поехать на Арабатскую стрелку?

– Худолей не знает туда дороги. Он отвезет тебя к своей тетке. Зовут ее Варвара Семеновна. Можешь не записывать, она сама тебе напомним. О деньгах не думай, мы с Худолеем уже все решили. Еще раз повторяю – ни близким подругам, ни дальним родственникам, ни соседям.

– Все так серьезно?

– Да, – кивнул Пафнутьев и еще раз повторил: – Да.

Худолей подъехал ровно к двенадцати. Увидев его машину во дворе, Пафнутьев взял две большие челночные сумки в голубую клетку, быстро сбежал с ними по лестнице, бросил в уже раскрытый задний багажник, захлопнул крышку, и машина тут же отъехала. Пафнутьев, не медля, поднялся на свой этаж и вошел в квартиру, плотно захлопнув за собой дверь.

На все про все ушла ровно одна минута. Какие вещи, кто увез, в какую сторону – вряд ли кто обратил внимание на задрипанный «жигуленок» невнятного серого цвета, который простоял у подъезда не более минуты.

Еще через полчаса медленно и церемонно Пафнутьев спустил вниз детскую коляску, потом так же неторопливо спустилась Вика с ребенком на руках, вместе с мужем аккуратно уложила младенца в коляску, легко махнула ручкой, как бы ненадолго прощаясь, и покатила коляску на мягком резиновом ходу вдоль дома, свернула за угол, двинулась к скверу, давая ребенку возможность подышать свежим воздухом, выспаться, да и сама, видимо, была не прочь отвлечься от бесконечных домашних забот.

В конце сквера ее ждал серый задрипанный «жигуленок». Она, не раздумывая, села на заднее сиденье вместе с ребенком – дверь была уже распахнута, Худолей, быстро сложив коляску, забросил ее на верхний багажник, пристегнул уже приготовленной резинкой и тут же тронул машину с места.

Через три часа они были уже далеко, в маленькой деревеньке у деревянного дома. Худолеевская тетка Варвара Семеновна радостно всплескивала ладошками, улыбалась, суетливо открывала прозрачные ворота из некрашеного, выгоревшего на солнце штaketника.

А в это самое время в опустевшей и гулкой квартире Пафнутьева раздался телефонный звонок.

Звонил Халандовский.

– Здравствуй, Паша! Это я! – сказал он бодро, но невесело.

– О! – заорал Пафнутьев. – Сколько лет, сколько зим!

– У тебя все в порядке?

– Вроде, как бы, ничего... А что?

– Звонил Лубовский.

– Ишь ты! Соскучился?

– Кланялся, приветы передавал.

– Спасибо. Если еще позвонит, скажи ему, пожалуйста, что я постоянно о нем помню.

– Именно так ему и сказал.

– А чего хотел?

– Спрашивал, не нужно ли тебе чего... Поначалу в большом городе, может быть, тебе будет неуютно... Он готов помочь. Квартира, машина с водителем, другие услуги, более интимного свойства... Я пообещал все тебе передать.

– Еще будет звонить?

– Скорее всего. Ведь я должен сообщить ему твой ответ.

– Так, – крикнул Пафнутьев. – Знаешь, Аркаша, он делает ошибку. Так нельзя. Это плохо.

– Я тоже так подумал.

– Ты оказался в сложном положении?

– А знаешь, нет. Пока я не чувствую холодного сквозняка за спиной, пока я в порядке.

Что твои?

– Все хорошо. – Даже Халандовскому Пафнутьев не стал сообщать никаких подробностей – куда уехала Вика, уехала ли с Наташкой.

Халандовский все понял.

– Ну что ж, Паша, это правильно. Знания рожают скорбь. Давно сказано и очень правильно. Что передать нашему другу?

– Скажи, что я чрезвычайно благодарен ему за внимание, что я ценю его участие в моих проблемах. Но ничего внятного ответить пока не могу, поскольку себе не принадлежу. Человек я служивый и должен соблюдать порядок – явиться, отметить, представиться, определиться... Ну, и так далее. Кстати, а ты не спросил, откуда он звонил?

– Из Монако.

– Чего это его занесло туда?

– Путешествует, – глубокомысленно произнес Халандовский.

– Это хорошо, – одобрил Пафнутьев. – Путешествия расширяют кругозор.

– Ты знаешь, где будешь жить в Москве?

– Нет.

– Это хорошо.

– Почему?

– Потому что я совершенно искренне не смогу ответить ему на этот вопрос.

– Он уже спрашивал?

– Да.

– Ошибка, – сказал Пафнутьев. – Это ошибка.

– Я тоже так решил, но ему об этом не сказал. У меня все, Паша.

– Будь здоров!

Да, и Пафнутьев и Халандовский поняли – Лубовский совершает ошибку. Показывая свою осведомленность о том, что происходит в Генеральной прокуратуре, какие мнения там зреют, какие решения принимаются, он тем самым как бы заранее призывал к бдительности, осторожности. Неуязвимость, которая сопровождала его до сих пор, расслабила, убедила в каком-то превосходстве. Обстоятельства, благоволившие ему, показались результатом собственных усилий, собственного ума и проницательности. А деньги, большие, хорошие деньги

убедили Лубовского во всемогуществе. Да, могущество было, деньги действительно помогали ему контролировать многое, но не все, ребята, не все.

Побед не бывает окончательных, окончательными бывают только поражения. Конечно, человек слабый, глупый и корыстный, столкнувшись с таким напором, с такими возможностями, наверняка дрогнет. Никуда ему не деться от вкрадчивых, железных объятий олигарха. Личное знакомство с президентом страны, телефонные звонки из Парижа и Монако, владелец заводов, газет, пароходов, а это была правда, опять же возможность легко и просто связаться со следователем, который даже не получил еще официального поручения Генеральной прокуратуры... Может, ребята, все это может подавить даже человека умного, опытного, хорошо знакомого с хитросплетениями жизни в верхних слоях общества.

Но знания рожают не только скорбь, они рожают беспомощность и обреченность. Великие открытия часто делают невежды, не подозревающие, что их открытие невозможно, что их попытки осмеяны века назад. Выручает невежество, выручает ограниченность, когда человек не просто не знает, а сознательно и убежденно не желает знать того, в чем все уже давно убедились, с чем все давно уже смирились.

Вот-вот, это будет наиболее точно – с чем все давно уже смирились. Тогда действительно твердость, честность, наивность приобретают черты самой кондовой ограниченности.

И это не отвлеченные рассуждения, это все о нем, о Павле Николаевиче Пафнутьеве. Только человек, достаточно долго поживший с ним и достаточно много выпивший с ним, может отличить пафнутьевскую туповатость от качеств куда более достойных и уважаемых – не хочу даже перечислять их, чтобы не показаться назидательным.

Опять позвонил Халандовский, голос его был откровенно виноватым и растерянным.

– Паша, он меня достал.

– Это плохо, так нельзя, – рассудительно заметил Пафнутьев.

– Он попросил твой номер телефона, и я ему дал. Домашний. Он хочет тебе позвонить.

– Вывод один – рыло в пуху. И еще одно – я не верю, что он не знает мой телефон.

– Как ты прав, Паша, как прав! Ты на меня не обиделся за телефон?

– Что ты, Аркаша! Я жду его с нетерпением. Он не сказал, чего хочет?

– Темнит. Знаешь, Паша, он действительно мог достать твой телефон и без моей помощи.

Просто хочет втянуть меня в свои игры. Сделать как бы причастным.

– Разумно.

– Я хочу слинять, Паша. Куда угодно. Лишь бы кончились эти его звонки. Паша, ты мне не поверишь...

– Ну?

– Мне страшно. У меня есть укромное местечко, о котором никто не знает. Даже ты, Паша.

– А как же я? На кого ты меня бросаешь?

– За твоей спиной система. Генеральная прокуратура и высшая справедливость. А я – плут и пройдоха.

– Аркаша, поступай как знаешь. Но возникай иногда. Хотя бы по телефону, хотя бы по мобильнику. Это же не выдаст твое укромное местечко?

– Паша, он приглашает нас с тобой к себе в гости. В Испанию.

– Торопится.

– Он всегда играл на опережение. Но нетерпеливость... Да, это у него есть.

– Ну, что ж, поедem в Испанию. Ты знаешь испанский язык?

– Он нам не понадобится. Лубовский вполне прилично говорит на русском. Не слишком, но понять можно.

– Разберемся, Аркаша, – беззаботно ответил Пафнутьев. – Где наша не пропадала. Давай заканчивать... Вдруг он уже звонит... Неудобно заставлять ждать. Уважаемый человек, друг президента, опять же владелец заводов... Ах, да, мы об этом уже говорили. Пока, Аркаша!

И Пафнутьев положил трубку.

Постояв над телефоном, он прошел к окну, вернулся к креслу, прошлепал на кухню, открыл холодильник, снова захлопнул. Неожиданно для себя оказался у телефона, потрогал его и упал в кресло.

– Веселья час и боль разлуки, – пропел он вполголоса, – готов делить с тобой всегда... Давай пожмем друг другу руки... И в дальний путь на долгие года... Ни фиги себе! – вдруг проговорил он громко, оборвав свои лирические рулады.

Лубовский не позвонил.

Видимо, и сам понял – пора остановиться. В конце концов, этот его перезвон вполне можно было объяснить и нервозностью, и неуверенностью, и опасениями, под которыми явно должны быть серьезные основания. Он в полной мере показал свою осведомленность, свои возможности, и этого было вполне достаточно. Тем более знал, что Халандовский со всеми подробностями передаст Пафнутьеву их последний телефонный разговор.

Но зато позвонил Худолей.

– Паша, я в городе. Все в порядке. Жизнь продолжается. И будет продолжаться еще некоторое время.

– Это прекрасно! – воскликнул Пафнутьев с облегчением. Теперь он был предоставлен самому себе и волен был поступать, как заблагорассудится. Впереди его ждала Москва, Генеральная прокуратура и задание, которое можно было назвать и почетным, и чреватым.

Поезд отходил вечером.

Пора было собирать вещички.

Прислушиваясь к себе, Пафнутьев с удивлением обнаружил хорошую такую взволнованность, встревоженность, чувство, которое он не испытывал давно, может быть, со времен юности.

Поезд прибыл без опоздания, поезда редко опаздывают в Москву, это уж должно случиться что-то необыкновенное – чеченский взрыв в середине вагона, наводнение, землетрясение или еще что-то в этом роде.

Поезд прибыл утром, многие поезда прибывают в Москву утром – и это правильно. Дело-вые люди за предстоящий день многое могут решить в столице – встретиться, подписать, согласовать, утрясти и вечером отправиться восвояси в полной уверенности, что дело сдвинулось. Они, конечно, заблуждались, сильно заблуждались, но тем не менее положенное отрабатывали и плотные такие пакетики успевали вручить нужным людям, зная наверняка, что, вернувшись домой, надо, не откладывая, тут же готовить следующий пакетик, следующий.

Москва дорогой город, и у всех здесь набегают бесконечные проблемы, связанные с многочисленными тратами на обучение детей, строительство дачи, евроремонт в квартире – потому без евроремонта ты есть полное ничтожество и больше никто. А после евроремонта ты уважаемый человек, и любой пришедший к тебе решать кое-какие дела, оказавшись в твоей квартире, а в квартире решать все дела гораздо проще и удобнее, так вот оказавшись в твоей квартире, проситель сразу понимает, какой из нескольких приготовленных пакетов он должен оставить – конечно, самый толстый, конечно, самый плотный.

А многоопытный хозяин, увидев скошенным взглядом этот самый пакетик, бросит небрежно, продолжая разливать принесенный гостем коньяк, положи, дескать, вон там на полку, нет-нет, повыше, и задвинь поглубже. Не коснется он сразу пакета, не возьмет в руки, мало ли что, мало ли какими хитрыми порошками этот пакет может быть обработан людьми подлыми и коварными. Через несколько дней он, возможно, потянется к пакету, убедившись

наверняка, что ничего в мире не изменилось, тучи над его головой вовсе никакие не тучи, а так, перистые облака, которые, говорят, кружат над землей на совершенно безопасной высоте.

Пафнутьев прибыл на Курский вокзал и был счастлив оказаться в утренней суетной толпе радостно возбужденных пассажиров, которые покинули наконец душные вагоны и вырвались на столичные просторы. У него было два чемодана – большой и поменьше. Большой он тут же сдал в камеру хранения, а с маленьким нырнул в метро, добрался по радиальной до «Площади Революции», перешел на «Театральную», вышел на «Тверской» и оказался на площади Пушкина. Был маршрут и покороче, но ему нравился этот, к Генеральной прокуратуре он предпочитал спускаться по улице Пушкинской.

Впрочем, улицы Пушкинской уже не существовало – девятый вал переименований не пощадил и классиков – Пушкина, Лермонтова, Чехова. Исчезли их имена с привычных московских улиц, говорят, во имя некой высшей исторической справедливости. А между тем имена вроде бы отвергнутых революционеров остались. Остались, ребята. Так что ветер перемен наполняет не все паруса, у него свои капризы.

Ну да ладно, потомки разберутся, если у них для этого найдется время и желание, если вспомнят они, кто такой Пушкин, если понадобится он им для чего-то там душевного.

Кто знает, кто знает...

Пропуск на проходной действительно был заказан, и Пафнутьев беспрепятственно прошел под своды главного здания прокурорской конторы. Зеркала под потолок, красные ковровые дорожки, широкие ступени на второй, третий этажи нисколько его не смутили, всего этого он насмотрелся в своем городе – там тоже хватало такого добра. Пафнутьев шел, не торопясь, с интересом оглядываясь по сторонам. С ним здоровались, он отвечал с легким полупоклоном. Видимо, его улыбчивый независимый вид убеждал местный народ в том, что он здесь свой человек.

На пропуске был указан и номер кабинета, куда ему следовало идти.

– Здравствуйте, – сказал Пафнутьев, приоткрыв высокую дверь с бронзовой ручкой, но не переступая порог. – А я – Пафнутьев.

– А, Павел Николаевич, – с профессиональным радушием приветствовала его секретарша. – Заходите, пожалуйста! Олег Иванович сейчас освободится. Он разговаривает по телефону.

– Утренний перезвон? – поинтересовался Пафнутьев.

– Что? – Секретарша удивленно вскинула брови.

– Да нет, ничего... Это я так... От смущения.

– Бывает, – великодушно кивнула секретарша. – Можете заходить, – сказала она, видимо, получив какой-то невидимый и неслышимый сигнал из кабинета.

– Спасибо. – Оставив свой чемоданчик у двери, Пафнутьев шагнул к двери кабинета. И почувствовал, что волнуется. «Надо же, – пробормотал он про себя. – Ишь ты», – добавил он, и это невинное бормотание сняло напряжение.

Кабинет оказался небольшой, но добротный, отделанный деревом, с хорошими светлыми шторами, письменный стол был свободен от бумаг, что явно выдавало хозяина как человека конкретного, делового и даже как бы масштабного.

– Здравствуйте, Олег Иванович. – Пафнутьев вежливо остановился у двери.

– Здравствуйте. – Голос у Олега Ивановича был без улыбки, но доброжелательный. – Проходите. Садитесь. Как доехали?

– Прекрасно!

– Дух боевой?

– В порядке дух.

– Как Москва?

– Больше всего мне понравилось утро.

- Да, с этим вам повезло.
- Я вообще люблю хорошую погоду, – признался Пафнутьев.
- Я тоже, – улыбнулся наконец хозяин кабинета, поняв, что его гость слегка куражится. – Я рад, что вы приехали в добром здравии и с хорошим настроением.
- И меня это радует, – улыбнулся и Пафнутьев.
- Тогда вперед, – вздохнул Олег Иванович. – Суть дела вам известна?
- Приблизительно.
- Ну, что ж... – Олег Иванович придвинул к себе листок бумаги, вчитался в него, помолчал, отодвинул листок в сторону. – Я слышал о вас много хороших слов, видимо, они справедливы. К сожалению, не знаю ваших конкретных дел, но, наверно, они... На высоте, – с трудом подобрал нужные слова Олег Иванович. – Лубовский... Вы слышали эту фамилию?
- Да.
- Что вы о нем думаете?
- Ничего.
- Это хорошо. Это правильно. – Олег Иванович опять помолчал, глядя в залитое солнцем окно. – Это дело, как мне кажется, не столько уголовное, не столько криминальное, сколько...
- Политическое? – подсказал Пафнутьев.
- Совершенно верно. Хорошо, что вы это понимаете. У Лубовского высокие покровители.
- Мне кажется, что покровители у него не столько высокие, сколько запредельные.
- И опять согласен. А поскольку это так, то возникают определенные требования к вашей деятельности.
- Они всегда возникают.
- Да. – Олег Иванович замолчал, придвинул к себе лист бумаги и, не глядя, снова вернул его на край стола. – Вы легко подхватываете мои мысли, – заговорил он холодно, и, может быть, только сейчас Пафнутьев понял, что сидящий перед ним человек не нуждается в подсказках. Более того, Пафнутьев понял, что перед ним непознанная холодная глыба с большой, но какой-то скованной властью. Что-то его сдерживает, что-то не позволяет поступать так, как он считает нужным. И, похоже, ему, Пафнутьеву, придется поступать так, как считает нужным этот человек, уж коли он сам лишен такой возможности. – Что-то подсказывает мне, что мы сработаемся.
- Пафнутьев благоразумно промолчал.
- В вас есть непосредственность провинциала. При полном отсутствии почтительности. Вы сказали, что ничего не думаете о Лубовском. Но у вас есть о нем какое-то мнение?
- Вор.
- Правильно, – кивнул Олег Иванович. Это был пожилой усталый человек, но Пафнутьев не просто чувствовал, а даже, кажется, слышал, как неустанно и непрерывно работает в нем какой-то мотор, может быть, не слишком мощный, но не останавливающийся. – До вас, Павел Николаевич, уже проделана определенная работа. Собрано десять томов. Достаточно содержательных. Работа результативная, но она, к сожалению, не закончена. Так что вы начинаете не с пустого места. Человек, который проделал эту работу, не смог ее завершить. Он немного отлучился.
- Надолго? – спросил Пафнутьев.
- Думаю, да. Как говорится, уехал в длительную командировку.
- За рубеж?
- Дальше, – сказал Олег Иванович. – Оттуда нельзя даже позвонить. Нет связи. Оттуда не возвращаются.
- Понял.
- Видите ли, Павел Николаевич... Он просто исчез. Был – и нету.

– Мне грозит то же самое?
– Конечно, – легко ответил Олег Иванович.
– Я могу отказаться?
– Разумеется. Никаких проблем. Но мне кажется, приехав сюда, вы уже приняли решение?

– Да.

– Вы остаетесь?

– Да.

– Хорошо. – Олег Иванович вынул из стола черный пакет, в которых обычно хранят фотографии, и положил его перед собой на стол, не открывая. – На что вы рассчитываете, Павел Николаевич? Орден Андрея Первозванного? Московская квартира? Хорошие деньги? Общероссийская известность, телеинтервью, слава? Карьера, в конце концов?

Пафнутьев помолчал, рассматривая свои ладони и понимая, что ему сейчас задан самый важный вопрос, что от его ответа зависит – будет ли он раскручивать Лубовского или сегодня же вечерним поездом отправится домой.

– Ну что ж, Олег Иванович, – тяжело вздохнул Пафнутьев, отбрасывая вместе со вздохом все свои опасения, – все, что вы перечислили, – прекрасно. Я бы не отказался ни от одного пункта. Но я не буду чувствовать себя несчастным, если не получу ничего. Мне есть чем заниматься в жизни, у меня есть с кем распить бутылку водки, есть кому пожаловаться и с кем порадоваться. Я в порядке, Олег Иванович. Я в порядке. Конечно, больше всего мне хочется получить орден Андрея Первозванного. По-моему, кавалеров этого ордена сейчас в живых меньше десятка. Попасть в такую компанию... Кто откажется?

– Шутите? – спросил Олег Иванович без улыбки.

– Конечно.

– Это хорошо. Если человек не допускает шуток, это несерьезный человек. Посмотрите. – Олег Иванович протянул Пафнутьеву черный конверт со снимками.

Пафнутьев бестрепетно вынул снимки из конверта, и, как ни подготовила его предыдущая жизнь к криминальным неожиданностям, в первые же мгновения он был ошарашен. На первом снимке была изображена человеческая голова, лежавшая на столике, по всей видимости, в детском саду – вокруг качели, раскрашенные под мухоморов грибки, врытые в землю автомобильные шины и прочие приспособления, призванные развивать в юных созданиях духовность и физическую выносливость. Голова смотрела на Пафнутьева мертвыми глазами, спутанные, залитые кровью волосы свисали на лоб, и возникало жутковатое впечатление, что голова еще живая, что смотрит она вполне осмысленно, правда, как-то уж очень печально.

Остальные снимки были примерно такого же содержания. Пафнутьев мужественно досмотрел их все до конца, сунул в черный конверт и положил его на край стола.

– Нет-нет, – сказал Олег Иванович почему-то повеселевшим голосом. – Это для вас, Павел Николаевич. Забирайте. У меня есть копии, копии есть и в других местах, даже в тех, о которых даже я не догадываюсь.

– Спасибо, – вежливо кивнул Пафнутьев. – Думаете, они мне пригодятся?

– Наверняка! – продолжал веселиться Олег Иванович. – Это не случайные снимки, их собрал ваш предшественник, прежде чем отлучиться.

– Может быть, они и стали причиной его отлучки? – спросил Пафнутьев, начиная осознать, какие снимки он только что рассматривал.

– Наверняка! – повторил Олег Иванович. – Другими словами, вы начинаете с того места, на котором он закончил.

– И эти все снимки имеют отношение...

– Самое непосредственное.

– Но если есть подобные доказательства...

– Эти снимки не являются доказательствами. Ваша задача, Павел Николаевич, сделать их доказательствами. Придать им, так сказать, юридическую силу.

– Ни фиги себе! – крикнул Пафнутьев.

– Да, Павел Николаевич, да! Мы недавно говорили с вами о том, что это дело имеет некоторую политическую составляющую. Да, имеет. Я показал вам эти снимки, чтобы убедить в том, что политическая составляющая в этом деле не единственная, а может быть, и не главная. Снимки есть. У этих снимков есть имена, адреса, даты, мотивы...

– Мотивы – это хорошо, – сказал Пафнутьев.

– Да, есть мотивы, – повторил Олег Иванович. – Но эти снимки не привязаны к нашему герою. Хотя многие убеждены, что привязка существует.

– Мой предшественник... Не единственный, кто отлучился? – решился Пафнутьев на достаточно жесткий вопрос.

– Далеко не единственный. Люди, изображенные на этих снимках... Малая часть отлучившихся.

– С моим появлением их может стать больше?

– Не исключено.

– Другими словами, чем успешнее будет моя работа, тем большая вероятность...

– Совершенно верно, – кивнул Олег Иванович, не дав Пафнутьеву закончить вопрос. – Вот ключи от квартиры, в которой вы будете жить. – Он положил на стол колечко с двумя ключиками. – Один от подъезда, второй от квартиры. Адрес вот на этой бумажке. А вот по этому адресу вы будете работать. Там же находятся все десять томов, которые нам удалось собрать к настоящему времени. Предъявите свое удостоверение – этого будет достаточно. Вам незачем слишком часто появляться здесь, в Генеральной прокуратуре. Там тоже вполне приличные условия для работы. Вот ключ от вашего кабинета. Закончите изучение уголовного дела, позвоните мне. – Олег Иванович сдвинул на край стола маленький прямоугольничек визитки. – Там же получите деньги и все необходимое. Вопросы есть?

– Сколько вы мне даете на изучение документов?

– А сколько нужно?

– Понятия не имею.

– Поэтому я не говорю о сроках. Это зависит от той углубленности, с которой вы будете изучать. Не торопитесь. Время есть.

– Я работаю один?

– Давно жду этого вопроса. – Олег Иванович откинулся на спинку стула. – Давайте так договоримся... Изучаете документы. После того, как все усвоите, у вас появится план действий. Понадобятся оперативники, эксперты, группа захвата. – Олег Иванович последние слова проговорил страшноватым голосом, из чего Пафнутьев заключил, что в такую возможность хозяин кабинета не верит.

– Скажите, а эта группа захвата...

– Павел Николаевич, – перебил его Олег Иванович, – нам бы с вами дожить до того момента, когда понадобится эта самая группа! Нам бы дожить!

– Вы хотите сказать, что это маловероятно?

– Приступайте, Павел Николаевич, приступайте. Я всегда готов с вами встретиться и ответить на любые вопросы.

– Это прекрасно! – радостно воскликнул Пафнутьев, будто все его сомнения и колебания разом утратили свою силу. – Тогда последний вопрос.

– Люблю последние вопросы.

– Я видел снимок, на котором наш клиент снят рядом с президентом. Оба веселы и непосредственны. По-моему, на том снимке наш Лубовский даже слегка похлопывает президента по плечу. Этак поощрительно, молодец, дескать, все правильно понимаешь.

– Есть такой снимок, – кивнул Олег Иванович.

– Он не поддельный? Это не фальшивка?

– Нет, снимок настоящий.

– Президент знает о моем задании?

– Президент не знает даже о вашем существовании. И вы должны этому радоваться.

– Радуюсь.

– Президент знает, что у Лубовского рыло в пуху. И он не возражает против некоторых деликатных, повторяю – деликатных шагов прокуратуры по... По выяснению характера этого пуха. Я внятно выразился?

– Вполне.

– Если вас тревожит – не придется ли заниматься чем-то недозволенным, антигосударственным... Упаси боже! Говорю вполне ответственно – ваша деятельность согласована на всех возможных уровнях. Вас привлекли только потому, что вы совершенно никому не известны. Советую – ни с кем не говорить о вашем задании, о вашей работе, о чем бы то ни было, связанном с деятельностью Лубовского. Особенно в этом здании. Повторяю – особенно в этом здании. Осторожнее с телефонами. Ваша квартира вовсе не является гарантией того, что вас никто не слышит. Вы просто темная лошадка.

– Да-да-да, – протянул Пафнутьев не то с уважением, не то с сомнением. – Надо же! – закончил он уже почти восхищенно.

– До скорой встречи. – Олег Иванович встал из-за стола и протянул Пафнутьеву жесткую сухую ладонь.

Темная лошадка – это хорошо, бормотал про себя Пафнутьев, шагая по длинным красноковровым дорожкам, устилающим коридоры Генеральной прокуратуры. Темная лошадка – это прекрасно... Но только... Я ведь уже разговаривал с Лубовским... Очень мило побеседовали... Вот так-то, Олег Иванович, вот так-то... Уж коли я должен соблюдать осторожность даже в этом здании, то, видимо, мне тоже не обязательно докладывать все подробности вам... А, Олег Иванович?

***

Первым делом Пафнутьев направился на Курский вокзал. По сравнению с утром народу стало поменьше, да и праздничности поубавилось. Просох освеженный спозаранку асфальт, появился мусор, пыль, да и пассажиры стали другими – вместо радостно возбужденных утренних теперь по залам ожидания бродили тусклые, изможденные люди в мятых одеждах и с мятыми лицами.

У камеры хранения было пусто, и Пафнутьев без помех получил свой чемодан. На клочке бумажки с адресом заботливой рукой Олега Ивановича была указана станция метро – «Октябрьское Поле». Не центр, но и не окраина.

Квартира оказалась однокомнатной, унылой, казенной какой-то. Видимо, тут постоянно кто-то останавливался на неделю-вторую, уезжал, на его место приходили другие. Вот появился и Пафнутьев. В комнате стоял раскладной диван, однотумбовый письменный стол, два стула, в углу пустой шкаф с распахнутой дверцей. Окно выходило во двор, это хорошо, отметил про себя Пафнутьев, сбоку висела плотная штора бордового цвета.

На кухне он обнаружил выключенный холодильник, маленький столик, три табуретки, газовую плиту. Попробовал краны на кухне, в ванной, туалете – все действовало, вода шла и горячая и холодная. В подвесном шкафчике Пафнутьев увидел стопку разномастных тарелок, несколько чашек, в выдвижном ящике – вилки, ложки, два тупых столовых ножа, штопор.

– Штопор – это хорошо, – пробормотал Пафнутьев и, пройдя в комнату, сел на диван. А уже сев, обнаружил напротив себя картину. Естественно, это было «Утро в сосновом лесу» художника Шишкина Ивана Ивановича. Пробежав глазами по стенам, Пафнутьев увидел еще одно художественное произведение – «Незнакомка» художника Крамского Ивана Никитича.

Несмотря на то, что бумага, на которой была отпечатан портрет, то ли от сырости, то ли от жары пошла волнами, красавица смотрела на Пафнутьева надменно и снисходительно.

– Разберемся, – пробормотал Пафнутьев и вздрогнул от неожиданности – из прихожей раздался резкий, металлически дребезжащий звонок. – Так... А вы не ждали нас, а мы приперлись, – пропел Пафнутьев и со вздохом пошел открывать дверь.

На площадке он увидел двух мужиков в синих комбинезонах. У их ног стояли две внушительные коробки. У мужиков на лицах было ленивое профессиональное равнодушие.

– Пафнутьев Павел Николаевич? – спросил один из них.

– Он самый.

– Прошу получить, – и мужики, не сговариваясь, подхватили коробки и, непочтительно оттеснив Пафнутьева в сторону, внесли обе в квартиру. Один свою коробку сразу поволок на кухню, второй в комнату.

– Ребята, как понимать? – спросил Пафнутьев.

– Велено доставить.

– Кем велено?

– Сейчас распишетесь в получении.

Из одной коробки парень с литым затылком легко вынул средних размеров телевизор, японский, между прочим. Поскольку установить его было негде, он сходил на кухню, принес табуретку и достаточно ловко, устойчиво водрузил на нее серебристо-белый телевизор. Не останавливаясь в движении, сунул вилку в розетку, быстро и как-то между прочим нашел лежавший на полу кабель антенны и воткнул штекер в гнездо телевизора. Взяв пульт, парень пощелкал кнопками и, убедившись, что программы выставляются так, как им положено, погасил экран.

– Хорошая машинка, – сказал он, повернувшись к Пафнутьеву, который все это время стоял за его спиной. – Кстати, в него встроен и видеоманитофон. Верхняя часть пульта для телевизора, нижняя – для видека.

– Это правильно, – одобрил Пафнутьев. – А вы откуда, ребята?

– От верблюда! – рассмеялся парень. – Распишитесь в получении, – и он протянул смятую квитанцию.

– Видимо, от прокуратуры? – продолжал допытываться Пафнутьев, не ожидавший такой заботы.

– От нее, родной, – кривовато усмехнулся парень и, уже уходя, как-то странно посмотрел на Пафнутьева. – Да, чуть не забыл. – Он вынул из кармана комбинезона кассету и, вернувшись, положил ее на телевизор. – Когда заскучаете – посмотрите. Развивает.

В это время в дверях комнаты показался второй парень. И тоже протянул Пафнутьеву квитанцию для подписи. В этой квитанции список был достаточно длинный, но, поскольку почерк оказался совершенно неразборчивым, Пафнутьев подписал, не вчитываясь.

– Приятного аппетита, – произнес парень и, подняв руку, приветственно потряс кулаком.

– Кого благодарить? – Пафнутьев сделал еще одну попытку разобраться в происходящем.

Видимо, его слова показались парням забавными – оба обернулись уже от входной двери, удивленно посмотрели на Пафнутьева, потом друг на друга.

– Ну, ты даешь, мужик, – озадаченно сказал один из них, и дверь за ними закрылась.

Постояв в растерянности в прихожей, Пафнутьев прошел в комнату, отодвинул штору от окна и выглянул во двор. Парни, которые только что были в квартире, усаживались в машину. Все бы ничего, все было бы нормально и естественно, но Пафнутьев озадачился некоторыми подробностями, которые успел рассмотреть. Во-первых, синие комбинезоны, в которых были парни, они теперь держали в руках, небрежно свернув их в бесформенные комки. И еще одно – они садились в роскошный лимузин, не то «Мерседес», не то «Ауди»... Грузчики в таких

машинах не ездят, грузчики обычно доставляют свои коробки грузовыми «Газелями», да и то в лучшем случае.

– Ни фиги себе, – пробормотал Пафнутьев и направился на кухню. Распахнув дверцу холодильника, он от удивления ахнул и сел на подвернувшуюся табуретку. Холодильник был попросту забит – виски с какими-то диковинными этикетками, банки с красной и черной икрой, осетрина горячего копчения, пакеты, свертки, и не из газет, нет, свертки были из промасленной бумаги, которую можно встретить разве что в Елисеевском магазине. Прокуратура, даже Генеральная, на подобные щедрости не способна. Пафнутьев вынул из гнезда бутылку виски с черной этикеткой, свинтил пробку, понюхал.

– В самом деле виски, – пробормотал озадаченно. – Вот так, Паша, гибнут лучшие люди... А ты, Олег Иванович, говоришь, чтоб я меньше болтал... Кому-то у вас там действительно надо меньше болтать.

Пафнутьев прошел в комнату, остановился взглядом на телевизоре, заметил оставленную парнями кассету. Поколебавшись, взял ее, осмотрел со всех сторон. На ней не было никаких опознавательных знаков. Все так же замедленно, словно сомневаясь, что поступает правильно, Пафнутьев вставил кассету в гнездо, включил телевизор, перевел программу на видеомagnetofон. На экране замелькали черно-белые полосы, потом они исчезли, и возникла улыбающаяся физиономия Лубовского. Некоторое время он молча смотрел на Пафнутьева, словно давая ему возможность привыкнуть к происходящему, а может быть, смириться с происходящим.

– Здравствуйте, Павел Николаевич, – сказал он.

– Привет, – ответил Пафнутьев, воспользовавшись паузой.

– Поздравляю с новосельем! Вы хорошо устроились?

– Неплохо, – пробормотал Пафнутьев, пытаясь справиться с растерянностью.

– Мои ребята кое-что сделали, чтобы обустроить ваше новое жилье. Надеюсь, они вели себя пристойно и не перегнули палку. Павел Николаевич, хочу сказать вам несколько слов...

– Слушаю вас внимательно, – не удержавшись, ответил Пафнутьев.

– Видимо, о вашем задании мне известно больше, чем вам. Это естественно. О ваших успехах и неудачах я тоже буду узнавать раньше вас. Вам придется с этим смириться. Вы не первый и не второй, кто получает подобные задания. Ваши предшественники были не слишком удачливы, может быть, им просто не везло. Не исключая, что им не хватило профессионализма или же они были недостаточно осторожны. Мне говорили о вас много добрых слов...

– Интересно, кто? – пробормотал Пафнутьев.

– Кто? Отвечу... Ваши сослуживцы. Когда мне доложили о выборе прокуратуры, я поручил своим ребятам собрать сведения о вас. Можно назвать это близким вам словом – досье. Вот оно. – Лубовский на экране телевизора взял со стола и показал Пафнутьеву красивую папку, в которой, как заметил Пафнутьев, было не менее пятидесяти страниц. – Вы можете добиться успеха. Но не советую. Я сегодня разговаривал по телефону с президентом, и он заверил меня, что волноваться не стоит. Нет оснований. Поэтому ваша миссия слегка... Как бы это выразиться... Нелегитимна. Прокуратура решила посвоевольничать. Согласитесь, это и мне дает право на ответные действия. Сразу говорю – мой ответ может вам не понравиться. Знаете, усердие – не лучшее качество, хотя позволяет продвинуться по службе. Вы продвинулись. Ваши предшественники тоже были весьма усердны. Не знаю их дальнейшей судьбы, да это мне и неинтересно. Я предлагаю договориться. Вы проявляете усердие, я проявляю понимание. Понимание во всем. У вас наверняка немало всевозможных жизненных проблем. Так вот, считайте, что их у вас больше нет. Сколько бы их ни было и в чем бы они ни заключались. Заметьте, я не ставлю условий. Я говорю предельно откровенно – все ваши проблемы я беру на себя. Имущественные, квартирные, служебные... Да и о вашей карьере могу позаботиться. Что касается этой пленки – можете ее уничтожить. Чтобы не оставлять следов. – Лубовский

усмехнулся. – А можете оставить себе на добрую и долгую память. Ну как? Согласны? Подумайте, я вас не тороплю. Понимаю, что подобное решение требует времени.

– Разумеется, – кивнул Пафнутьев.

– Какое бы решение вы ни приняли – позвоните... Вот телефоны, по которым можно связаться со мной. – На экране возникли три номера, и Пафнутьев, достав блокнот, быстро переписал их. – Успели записать? – улыбнулся Лубовский.

– Успел, – сказал Пафнутьев.

– Вот и хорошо. Я вас не тороплю, Павел Николаевич, но думать слишком долго тоже не стоит – в ближайшее время я уезжаю. По делам, разумеется. Тогда нам связаться будет гораздо труднее. Всего доброго, Павел Николаевич. – Лубовский игриво подмигнул одним глазом, приотвественно махнул рукой и пропал.

Пафнутьев подождал еще некоторое время, но на экране снова пошли черно-белые полосы, и он выключил телевизор.

– Что-то ты засуетился, любезный, что-то ты засуетился. Ну ладно, – тяжело вздохнул Пафнутьев. – Разберемся. – Он прошел на кухню, вынул из холодильника вскрытую уже бутылку виски, плеснул себе в граненый стакан и, не торопясь, выпил. – Ваше здоровье, Юрий Яковлевич. Удачи вам... До скорой встречи.

***

Наутро точно к девяти Пафнутьев пришел в свой новый кабинет, где ему предстояло изучать жизнь и деятельность Лубовского. Кабинет оказался небольшим, здесь было все, что нужно для работы, – зарешеченное окно, сейф, письменный стол, в углу стоял затертый диванчик, на котором можно было при желании прилечь на часок-другой.

– Спасибо, – сказал Пафнутьев в пространство, ни к кому не обращаясь. – Все очень мило.

Он сел за пустой стол и, подперев щеки кулаками, некоторое время сидел неподвижно, привыкая к новому месту. На стене висел неизменный в последнее время портрет президента. Хорошо, что хоть без Лубовского за спиной, усмехнулся Пафнутьев и, подойдя к окну, отдернул штору.

Окно выходило на автомобильную стоянку прямо перед входом в здание. Это хорошо, одобрил Пафнутьев. Третий этаж позволял видеть всю стоянку и даже различать номера машин. Да и жизнь этого странного заведения в стороне от центра тоже была видна – кто приехал, с кем уехал, на какой машине. В общем, знающий человек многое может увидеть из окна третьего этажа.

Кто-то заглянул в дверь. Пафнутьев обернулся, но увидел лишь исчезающую физиономию какого-то чиновника.

– Извините, – пробормотал тот. – Немного заблудился.

– Бывает, – откликнулся Пафнутьев. – В жизни столько всего бывает, – бормотал он, когда дверь за незнакомцем уже закрылась. Открыв стоявший в углу старомодный сейф, он вынул все десять томов и сложил их в две стопки на письменном столе. Причем сознательно укладывал их на стол чуть с размаху, как бы бросая на полированную поверхность. Из толстых томов уголовного дела выползала пыль. «Видно, долго никто к ним не притрагивался», – подумал Пафнутьев. – Пыль может заводиться в таких томах только при условии, что они в архиве, – пробормотал он. – А в архиве они могут появиться после суда, когда вынесен приговор и герой этих произведений окажется там, где ему и положено быть. А мой герой по президентским кабинетам расхаживает...

Пафнутьев наугад взял верхний том и, не торопясь, пролистнул его. Ему не нужно было вчитываться, всматриваться, сличать, чтобы даже по общему виду этой прошитой шпагатом папки понять и характер дела, и общее его состояние. После шестьдесят четвертой страницы шла шестьдесят седьмая. Развернув том посильнее, он увидел остатки вырванных страниц.

– Суду все ясно, – пробормотал он озадаченно. Просмотрев том уже повнимательнее, Пафнутьев еще в нескольких местах нашел клочки удаленных документов – показаний, признаний, протоколов. – Суду все ясно, – повторил он, захлопывая том.

– Разрешите? – снова приоткрылась дверь, и в кабинет заглянул все тот же незнакомец.

– Всегда вам рад, – ответил Пафнутьев. – Давно жду.

– Мы знакомы? – удивился гость.

– Вряд ли.

– А как же понимать...

– Шутка.

– О! – восхитился тот. – Здесь так редко встретишь человека, способного...

– Да, я такой, – кивнул Пафнутьев.

– Игорь Александрович Шумаков. – Незнакомец протянул руку. – А вас, простите?

– Сейчас вспомню... Ах, да... Пафнутьев моя фамилия. А зовут Павел Николаевич.

Шумаков быстрым, наметанным взглядом скользнул по обложкам томов уголовного дела и в ужасе закатил глаза:

– Значит, на вас это дело повесили!

– Это хорошо или плохо?

– Смотря для кого!

– Для меня, конечно!

– Плохо.

– Почему?

– Ну что тут говорить... Я закурю?

– Конечно.

Шумаков сел на стул, закинул ногу на ногу, щелкнул сверкающей зажигалкой, пустил дым к потолку.

– Павел Николаевич... Вас, видимо, должны были просветить... Вы же не первый беретесь за это дело.

– Просветили.

– Вы, наверно, догадались, что дело это не столько экономическое или уголовное, сколько политическое.

– Догадался.

– Вот видите... У нас любое дело, как только переваливает за десять миллионов, становится политическим. Украдете миллион долларов – посадят быстро и надолго. Украдете десять миллионов – начинаются проблемы. Многочисленные, убедительные, но все в вашу пользу. Украдете сто миллионов долларов – все! Вы надежда нации, опора государства, лицо, приближенное к императору. Как говорили классики – надежда русской демократии.

Пафнутьев помолчал, взяв верхний том, с силой бросил его на стопку, склонив голову, посмотрел на выползавшую из страниц пыль.

– Пыль, – сказал он.

– Не понял?

– Пыль, говорю, вылезает из томов.

– Да, – кивнул Шумаков, – я вас понимаю. С этими томами надо обращаться осторожнее. В них столько пыли, столько пыли, что она становится взрывоопасной. Знаете, это как в шахтах, где темно, сыро и ничего не видно... Так вот, есть шахты, которым присвоена специальная категория – опасные по пыли.

– Там темно и сыро? – Пафнутьев кивнул на тома уголовного дела.

– Да, там темно и сыро. Впрочем, сырость можно назвать мокрухой. В наших с вами кругах чаще употребляется именно это слово. Я немного занимался этим делом... И знаю, о чем говорю.

– Этот человек... Я имею в виду Лубовского... Надежда русской демократии?

– Конечно! – воскликнул Шумаков. – Он содержит партии, фонды, у него своя пресса... Вы читаете утреннюю газету и даже не догадываетесь, кто ее владелец, кто именно в это утро пудрит вам мозги, кто в этот вечер учит вас жить. Его принимает не только наш, не менее охотно с ним беседует и тот президент.

– Заокеанский? – ужаснулся Пафнутьев.

– На той стороне Атлантики, – осторожно поправил Шумаков.

– Надо же!

– Скажу больше... Мне известен случай, когда заокеанский, как вы выражаетесь, звонил нашему и справлялся о здоровье Лубовского, о его делах и успехах. – Шумаков постучал указательным пальцем по стопке уголовного дела, чтобы у Пафнутьева не осталось никаких сомнений, о ком идет речь.

– Надо же! – повторил Пафнутьев. – Простите, Игорь Александрович... Вы говорили о темноте и сырости... Если я правильно понял, это дело не просто безнадежное, а... опасное?

– Да, так можно сказать.

– Мне кто-то говорил, что мой предшественник, который оказался слишком уж азартным... Попросту исчез! Это правда?

– Исчез, – кивнул Шумаков, как бы что-то преодолевая в себе, будто Пафнутьев затронул тему, о которой здесь говорить не принято, его вопрос прозвучал дурным тоном.

– Но человек не может вот так просто исчезнуть!

– Почему? – Шумаков пожал плечами, будто услышал слова не просто наивные, а даже глуповатые. – Очень даже может. В России каждый год исчезают около тридцати тысяч человек, вам это известно?

– Но некоторые потом находятся? Сбежавшие мужья, отбившиеся дети, загулявшие девочки...

– О! Павел Николаевич! Не надо! – Шумаков махнул рукой. – Их так немного, так немного, что на общей статистике ни нагулявшиеся мужики, ни образумившиеся красотки не отражаются.

– Уж не инопланетяне ли их похищают? – Пафнутьев старательно сделал серьезное лицо.

– Нет, Павел Николаевич! Смею вас заверить – нет, – твердо повторил Шумаков и поднялся – легкий, в светлом просторном костюме, изящный и уверенный в себе. – Павел Николаевич, а почему бы нам не пообедать вместе? Здесь неплохая столовка. Покажу, познакомлю. А?

– Вроде рановато. – Пафнутьев посмотрел на часы.

– А я зайду за вами, когда будет в самый раз... Часа через три, а?

– Можно, – согласился Пафнутьев. – Вы сказали, что в этом деле исчез не только мой предшественник?

– Да, там есть несколько странных моментов. Но что делать, Павел Николаевич... У каждого преступника свой почерк, свои методы решения проблем... Каждый проявляет творческую жилку по-своему. Разве нет?

– Вы имеете в виду Лубовского? – Пафнутьев не любил недоговоренностей.

– Ну зачем же так, Павел Николаевич! – рассмеялся Шумаков. – Я говорил вообще. А что касается Лубовского... Он талантливый человек, и у него действительно есть свой почерк.

– Талантливый вор?

– Можно и так сказать, почему нет? Уж если эти тома написаны, значит, за ними что-то стоит.

– По-настоящему талантливых воров мы не знаем. Их никто не знает. Все эти кровавые знаменитости, о которых захлебывается наша пресса... Это бесталанные преступники, засветившиеся, обнаружившие себя. Хороший вор должен быть не только непойманным, но и неузнанным.

– Смотря сколько украсть, Павел Николаевич! – опять рассмеялся Шумаков. – Некоторые берут столько, что быть неузнанным уже невозможно. Если их деньги сопоставимы с государственным бюджетом... Им уже не спрятаться.

– А что, – озадаченно проговорил Пафнутьев. – С этим трудно не согласиться.

Столовая действительно оказалась неплохой – тоже маленькой, на четыре-пять столиков, с белыми скатерками, прозрачными шторками и небольшим баром, конечно, безалкогольным. На первое дали суп с фрикадельками, на второе неплохую котлету с пюре, на третье, естественно, компот.

Шумаков был молчалив, весь погружен в потребление пищи, на Пафнутьева поглядывал изредка, но остро, как бы примериваясь, приглядываясь, пристреливаясь.

– Как обед? – спросил он.

– Прекрасно! – искренне ответил Пафнутьев.

– Бывает и лучше.

– Лучше этого?!

– Бывает харчо, отбивная, нечасто, но бывает пиво, правда, в маленьких бутылках. Так что советую заходить почаще... Хотя вряд ли тебе, Павел Николаевич, это удастся. – Шумаков нашел приемлемую форму обращения – хотя и на «ты», но по имени-отчеству. Это было вполне приемлемо для застолья.

– Почему? – спросил Пафнутьев.

– Та гора томов, которую я видел в твоём кабинете, предполагает командировки.

– Много придется ездить?

– Сколько захочешь. От Москвы до самых до окраин.

Вернувшись в свой кабинетик, Пафнутьев сразу понял, что здесь без него кто-то побывал. Листок бумаги с номерами исчезнувших страниц уголовного дела был сдвинут. Он оставил его на столе так, что срез листка в точности совпадал со срезом поверхности стола. Теперь листок лежал примерно в пяти сантиметрах от края стола. Уходя, он предусмотрительно сунул все десять томов дела в сейф и запер его на ключ, но металлическую ручку оставил под углом сорок пять градусов. Теперь же ручка была расположена точно по вертикали. Кто-то, не удержавшись, подергал ее, а может быть, и в сейф заглянул, если, конечно, у нежданного гостя были ключи. А ключи могли быть, учитывая, что многих страниц явно не хватало.

– Суду все ясно, – пробормотал Пафнутьев привычные свои слова и тяжело присел к столу. Ему уже было о чем призадуматься, хотя пришел он сюда всего-то несколько часов назад. Может быть, только сейчас Пафнутьев в полной мере осознал задачу, которая стоит перед ним. И дело было вовсе не в сложности юридического, правового расследования, поисках доказательств, дело было в другом – вмешались силы, не имеющие к праву никакого отношения. Более того, они были куда могущественнее той службы, в которой работал он. Эти силы были вполне в состоянии пренебречь прокуратурой, судом, милицией, а то и армией, вполне могли поставить на место и министра обороны, и министра внутренних дел, и Генерального прокурора. Что, собственно, и происходило в последние годы.

Раздался звонок, Пафнутьев поднял трубку:

– Слушаю.

– Здравствуй, Паша, говорит Аркаша! – Да, это был Халандовский, и Пафнутьев, услышав знакомый голос, весь как-то сразу воспрял – есть все-таки на свете люди, на которых можно опереться хотя бы на время телефонного разговора. – Как поживаешь?

– По-разному, Аркаша, по-разному.

– И ты не хочешь мне ничего сказать?

– Я хочу домой.

– И это все?!

– А тебе этого мало?

- Так ты ничего не знаешь?!
  - Кое-что знаю, но, видимо, это не то, о чем ты хочешь сообщить?
  - Только что передали по телевидению... Совершено покушение на Лубовского. Да, Паша, да! На того самого.
  - И как это произошло?
  - Взорвана машина. Хорошо так взорвана, Паша. Ребята не пожалели взрывчатки.
  - Результат?
  - Лужа крови, гора трупов... Но уцелел ли сам Лубовский, не знаю. Сообщение было каким-то скомканным. Трупы есть, но сколько и как их звали при жизни, не знаю.
  - Значит, Лубовский был в машине?
  - Иначе бы она не взорвалась.
  - Как ты узнал мой телефон?
  - Паша! – укоризненно протянул Халандовский. – Ну нельзя же недооценивать друзей.
  - Виноват.
  - Я позвонил нашему городскому прокурору, и он все выяснил за три минуты. А знаешь, я бы тебе не помешал в Москве. У меня есть там кое-какие связи с братками... Они всегда знают что-то такое, что не известно нашим мудрецам. Я имею в виду мудрецов из правовых органов.
  - Я уже начал знакомиться с этими мудрецами.
  - А на мой вопрос ты не ответил... Я тебе нужен в Москве?
  - Не помешал бы.
  - Я могу это понимать как приглашение?
  - Можешь, Аркаша.
  - До скорой встречи, Паша. Завтра увидимся. Утром.
- Халандовский положил трубку.
- И тут же вошел Шумаков. Едва взглянув на Пафнутьева, он сразу понял, что тот знает о покушении.
- Тебе уже сообщили? – спросил он.
  - Да.
  - Кто?
  - Аркаша звонил.
  - Какой Аркаша? – спросил Шумаков, и Пафнутьеву вопрос не понравился. Его новый знакомый явно перешел некую невидимую границу, которая отделяет уместный и допустимый интерес от неуместного и недопустимого.
  - Да так, шатается один по жизни. – Пафнутьев сделал неопределенный жест рукой. – Иногда помогает, иногда мешает, а в общем... – и Пафнутьев замолчал, сознательно замолчал.
  - Из нашей конторы? – продолжал допытываться Шумаков, и эта настойчивость тоже не понравилась Пафнутьеву.
  - Можно и так сказать, – ответил Пафнутьев чистую правду, поскольку были у Халандовского отношения с прокуратурой, и довольно плотные. – Так что там случилось с нашим клиентом?
  - Взорвали клиента. Но, похоже, выжил. Водитель – всмятку, телохранители всмятку, а он оказался везунчиком. Поедешь посмотреть?
  - Надо, – поднялся Пафнутьев.
  - Тогда рванем вместе. Машина готова.
- И Пафнутьеву ничего не оставалось, как принять предложение, хотя в подобных случаях он предпочитал не иметь сопровождающих. Тем более таких вот, с непонятной настырностью. Видимо, провинциальная жизнь выработала в нем настороженность к людям общительным,

раскованным и услужливым. За этим ему всегда виделся какой-то смысл, если не умысел. Да и характер работы предполагал сдержанность и немногословие.

Опять же сегодняшняя невинная ловушка, которую он оставил в своем кабинете, сработала, кто-то уже заинтересовался его записями. А записи, несмотря на всю их поверхностность, человеку сведущему могли кое-что сказать – он перечислил номера страниц, которые кто-то своей заботливой рукой убрал. Пафнутьев твердо знал, что пустые страницы не убирают. Значит, в этих было что-то важное.

***

Этот день начался для Лубовского неплохо, можно даже сказать – прекрасно. Вечерний перебор оказался не слишком тягостным, случайно подвернувшаяся ночная девочка проявила себя как послушная и нежадная, к тому же понятливая – стоило ему невнятно намекнуть на тяжелый предстоящий день, как она тут же исчезла, может быть, даже навсегда, хотя... Кто знает, кто знает – телефон свой она оставила, поскольку, как уже говорилось, была понятливой.

Приняв душ, Юрий Михайлович полюбовался на себя в большое зеркало и, в общем-то, остался доволен поджарой фигурой, которая вполне вписывалась в некие придуманные стандарты по весу, росту, хотя физиономия могла бы быть, конечно, посвежее. Но впереди его ждала Испания, поездка обещала затянуться, и он вполне обоснованно надеялся, что недостатки физиономии этого утра ему удастся исправить.

Завтрак был легким, почти необязательным: стакан свежесжатого морковного сока, ломтик осетрины, чашка хорошего кофе. Растворимый Лубовский не пил уже давно.

Выглянув в окно, он убедился, что машина на месте, вымытая и сверкающая на утреннем солнце, что охрана тоже на изготовке и уже, наверно, проверила подъезд, и не только его подъезд, но и соседний сквер, жидкие заросли детского сада – мало ли кто там мог притаиться с хорошей штуковиной, оснащенной оптическим прицелом.

Хотя Лубовский давно уже оставил криминальные дела, но бдительность сохранял, поскольку понимал, что остались за его спиной люди, обиженные и на многое готовые. Время от времени эти обиженные возникали, но как-то неубедительно, как сейчас говорят, виртуально. То письмо с угрозами присылали, то по телефону пытались дозвониться, то, как им казалось, наносили вред. Их жалкие попытки что-то поджечь или что-то спустить под откос Лубовского смешили и даже оставляли чувство удовлетворения – этими своими ущербами он как расплачивался с ними, и недоброжелатели после всех своих поджогов или хищений успокаивались, убедившись, что на обиду ответили достойно.

Иногда Лубовский бывал даже благодарен своим вредителям и злопыхателям, поскольку они освобождали его от трат куда более значительных. Все-таки жило в нем чувство справедливости, которое он считал нужным время от времени как-то подпитывать в себе, не дать ему заглохнуть окончательно. Это была очень своеобразная справедливость, он понимал ее своеобразие, но полагал, что пусть уж лучше будет такая, чем никакой. Поэтому угрызений совести не испытывал, более того, был уверен, что ведет себя правильно, достойно и даже порядочно.

Связавшись по мобильнику с охраной, которая маялась во дворе, он задал несколько обычных утренних вопросов.

– Привет, – сказал он несколько развязно – все-таки прошлая жизнь давала о себе знать, он понимал особенность своего произношения, но не стремился его исправить, полагая, что люди стерпят его и таким, куда им деваться.

– Здравствуйте, Юрий Яковлевич, – почтительно сказал охранник.

– У вас все в порядке?

– Да, все чисто.

– Никаких проблем?

– Никаких.

– Можем ехать? – Этот вопрос был уже необязательным, но Лубовскому хотелось чуть продлить разговор, чуть больше настроить охрану на серьезное отношение к делу, и еще – таилась где-то в глубине его сознания опасливость, знал он, прекрасно знал и помнил, что его бывшие соратники могут пойти на нечто большее, нежели поджог склада с готовой мебелью – среди многочисленных его интересов было и мебельное производство, не столь уж и бесполезное.

Охранники знали это его утреннее многословие и почтительно отвечали на вопросы, которые частенько попросту повторялись.

– Я выхожу, – сказал Лубовский и отключил связь. Обычно это были его последние слова перед тем, как выйти из квартиры.

Выглянув на площадку, он убедился в том, что охранник на месте. Заперев дверь, Лубовский вошел в лифт, вместе с охранником спустился на первый этаж, быстро сбежал по ступенькам крыльца и нырнул в просторный джип, стоявший в нескольких метрах. Охранник успел проскочить вслед за ним, и машина тут же рванула с места. У человека, вздумавшего совершить покушение, просто не было бы времени – чтобы выйти из подъезда и прыгнуть в машину, Лубовскому потребовалось всего несколько секунд.

Когда машина прибывала в офис, все повторялось. Охранник придерживал дверь, машина останавливалась в двух метрах, Лубовский легко и даже с некоторым изяществом спрыгивал с высокой ступеньки джипа, не останавливаясь в движении, проскакивал внутрь офиса, стальная дверь тут же за ним захлопывалась.

Лубовский мог многие вопросы решать прямо из дома, но телефоном он почти не пользовался, предпочитая разговаривать с глазу на глаз. Он прекрасно знал, настолько это коварное и ненадежное средство – телефонная связь. Несколько раз обжегшись, когда конкурентам, недоброжелателям и прочей подлой публике становились известны подробности его деловой жизни, он твердо решил – никаких телефонов. Более того, он даже в собственном кабинете не любил говорить ни о чем важном. Лубовский мог договориться о встрече, поздравить с праздником, пригласить куда-либо своего собеседника, но – никаких деловых разговоров. Зная эту его привычку, или, лучше сказать, правило, секретарь старался самое важное обсудить с Лубовским, пока тот шел по коридору к своему кабинету. Еще у входа пристроившись к нему, и – подъема в лифте на третий этаж, а потом прохода по длинному коридору вполне хватало, чтобы обсудить планы на день.

– Ну, что у тебя? – спросил Лубовский, едва за ним захлопнулась входная дверь. Секретарь, молодой парень с папкой из красной кожи, уже был рядом, но все-таки чуть сзади – правильное решение, грамотное. Секретарь шел, поотстав на полшага, давая возможность хозяину снисходительно оглядываться на него.

– Звонил Северцев.

– Что у него?

– Хочет денег.

– Подождет.

– Проблемы на таможне... С грузовиками.

– Знаю. Вычеркни, уже все решено. Что еще?

– Звонок из администрации президента. Хотят поговорить.

– Пусть назначают время. Я приеду. – В последних словах Лубовского, может быть, даже помимо его воли прозвучало снисхождение. – Они сказали, о чем речь?

– Что-то связано с прокуратурой.

– Знаю.

– Звонила ваша жена.

– Дальше.

– Испания. Налоговые проблемы.

– Если еще возникнут, скажи, что буду через неделю.
– Румыны жалуются. Задержки с поставками тракторов.
– Не понял? – Лубовский первый раз обернулся к секретарю.
– Они ждали трактора месяц назад. Согласно договору. Деньги перечислены, тракторов нет.

– А что Ростов?
– Просит отсрочки.
– На сторону продали? – жестко усмехнулся Лубовский. – Как ты думаешь, спохватятся?
– Уже, Юрий Яковлевич.
– Нехорошо, ребята, нехорошо, – уже сам себе проговорил Лубовский. – Мы так не договаривались. За подобные вещи надо платить. И вы в этом убедитесь.
– Купить бы вообще этот завод, – предложил секретарь.
– Зачем, Коля? – удивился Лубовский. – Достаточно купить директора. Это гораздо дешевле. И надежнее. И прокуратуру покупать совершенно незачем.
– Достаточно купить Генерального прокурора?
– Ни в коем случае! Он не отвечает за свои поступки, не принимает решений. Декоративная фигура. И потом, они многовато хотят за свои услуги. Дутые услуги, между прочим. Есть люди понадежнее. И подешевле, – усмехнулся Лубовский и, открыв дверь, шагнул в свой кабинет. – У тебя все? – обернулся к секретарю.
– Есть кое-что, но так, мелочовка.
– Зайди чуть попозже.
– Часа через два?
– Да, где-то так.

Дальнейшая жизнь Юрия Яковлевича Лубовского была скрыта от его подчиненных, но работа продолжалась. Он кому-то звонил, о чем-то договаривался, но звонки были достаточно невинными – надо встретиться, есть о чем потолковать, надо бы подписать кое-какие бумаги, причем именно бумаги, даже их суть не называлась. Может, это были договоры, может, расписки, соглашения о намерениях... Жизнь научила Лубовского быть осторожным, тем более он знал – прокуратура проявляет к нему интерес. Он как мог пытался этот интерес обесценить, подчищал свое прошлое, иногда приходилось принимать решения жесткие, но необходимые – в тех случаях, когда не оставалось ничего иного.

Единственный серьезный звонок, который позволил себе Лубовский в это утро, – разговор с администрацией президента. Договорились встретиться через два часа. Лубовский уже знал – речь будет идти о следствии, которое опять начинала прокуратура. Он не слишком опасался прокурорских вылазок, поскольку уже принял некоторые меры предосторожности – купленные люди уже прочистили все десять томов уголовного дела о мошенничестве в особо крупных размерах, были убраны те, кто еще представлял какую-то опасность, кто еще мог сказать о нем какую-то гадость. А тот лох, которого привлекли из глухомани, не казался ему серьезным противником. Провинциалы покупались гораздо охотнее и, главное, дешевле, чем прожженные московские хмыри. То, что для москвичей выглядело обычным, очередным взносом, провинциалам казалось бешеными деньгами, состоянием, а то и шансом на всю оставшуюся жизнь. И этот новенький ничем не отличался от всех прочих.

Лубовский ошибался.

Полная безнаказанность, связь в высших кабинетах страны породили в нем некое чувство беспечности. Его сверхчувствительная шкура, которая не раз выручала его в самые щекотливые моменты жизни, ныне, прикрытая прочной чешуей неуязвимости, потеряла эту самую свою чувствительность и уже не могла остро и своевременно реагировать на возникшую опасность, да и самой опасности она, эта его шкура, уже не ощущала. Хотя Лубовский продолжал сохранять бдительность, но больше по привычке, без прежнего азарта и увлеченности.

Только этим можно объяснить ту вопиющую оплошность, которую допустила многоопытная охрана Лубовского. Если раньше его джип не оставался без присмотра ни единую секунду в сутки, если раньше в нем постоянно и неусыпно находились и вооруженный водитель, и охранник с автоматом, то в это солнечное утро, казавшееся таким безобидным, джип был оставлен без присмотра не менее чем на десять минут. Отлучились ребята в соседнее кафе перекусить перед долгим и хлопотным днем.

А вернувшись, привычно заняли свои места внутри джипа, продолжая легкий и бестолковый разговор, который начался еще в кафе.

– Надо же, одиннадцать часов, а асфальт уже сухой, – сказал водитель – состояние асфальта он замечал быстрее остальных.

– Жара будет, – ответил охранник.

– Придется выбирать стоянку в тени, иначе мы тут загнемся.

– Твои проблемы.

– Он не говорил, куда сегодня?

– Он об этом никогда не говорит.

– Правильно, общем-то, делает.

– Может, и правильно... Только лучше бы все-таки знать.

– Ему виднее.

– Как день сложится... Нельзя все предугадать заранее.

Такой примерно шел разговор между водителем и охранником, которые несколько минут назад вернулись из кафе и пребывали в благодушном состоянии. Они не называли Лубовского ни по имени, ни по фамилии, не называли боссом, шефом, хозяином. Просто «он». Правда, в разговоре это слово звучало как бы с большой буквы – «Он». И все сразу понимали, о ком идет речь.

В общем-то, это было разумное, правильное решение. Для безопасности действительно лучше не употреблять имен, чтобы посторонний человек, случайно услышавший их разговор, не мог понять, кто имеется в виду, – мало ли какие могут быть цели у этого любопытного.

В кармане охранника зазвенел мобильник.

– Слушаю, – сказал он.

– У вас все в порядке? – спросил Лубовский.

– Как обычно.

– Я выхожу.

– Мы готовы.

– Подъезжайте к входу.

– Понял, – и охранник сунул телефон в карман. – Давай к входу, – сказал он водителю.

Вход в офис был метрах в пятидесяти, и через минуту они уже ждали Лубовского в двух метрах от стальной двери с кодовым замком. Охранник предусмотрительно вышел, оставив приоткрытой дверцу, и, едва Лубовский оказался в джипе, он тут же нырнул следом, и дверь захлопнулась.

Дальнейший разговор был недолог, а он и не мог быть долгим, поскольку счет оставшегося времени уже шел на секунды. Не надо бы им обоим уходить в кафе, не надо бы, подольше пожили бы...

– Куда едем? – спросил водитель.

– В администрацию.

– Понял, – ответил водитель и тронул машину с места.

В этот момент и прогремел взрыв.

Кто-то явно не пожалел взрывчатки – машину подбросило, оторвало от земли, и упала она уже кучей искореженного металла. Вспыхнул бензобак, и огонь со злобным гулом охватил всю машину. Раскрылась правая передняя дверца, и на асфальт вывалился окровавлен-

ный Лубовский. Больше никто из машины не вылез, некому было. Охранника просто разорвало на части, у водителя оказалась снесена голова. Зрелище было жутковатое, и собравшаяся толпа смотрела на все это с немым оцепенением. Впрочем, скоро появилась милиция, оттесняла любопытных, прибывшая пожарная машина загасила пламя, и обгоревший, развороченный джип предстал во всем своем ужасном великолепии.

Лубовский еще нашел в себе силы отползти на несколько метров в сторону и потерял сознание. Окна его офиса были усеяны прильнувшими к стеклам служащими, но выйти на улицу никто не решился, никто не был уверен, что этот взрыв единственный, что за ним не прогремят другие.

Но других взрывов не последовало.

Пафнутьев повезло – они с Шумаковым прибыли раньше «Скорой помощи», а милицейское оцепление сохранило и джип, и место взрыва в нетронутom состоянии. Шумакова что-то остановило, что-то он начал выяснять у капитана милиции, и Пафнутьев беспрепятственно подошел к джипу и заглянул внутрь машины. Он увидел то, на что надеялся, – на полу стоял небольшой портфель, сработанный из прочной натуральной кожи. Пожарники успели вовремя, и кожа выдержала первый напор огня. Она обуглилась, ручка вообще перегорела и отвалилась, но содержимое осталось, по всей видимости, целым. Пафнутьев бестрепетно взял портфель и спокойно сунул под мышку.

Его находку заметил Шумаков и, оставив капитана, бросился к Пафнутьеву.

– Что это? – спросил он, запыхавшись.

– Похоже, портфель.

– Где ты его нашел?

– В машине.

– И что там?

– Не знаю.

– Надо открыть!

– Не здесь. – Пафнутьев был совершенно невозмутим и на все слова Шумакова отвечал, не задумываясь.

– Павел Николаевич, это очень важный вещдок!

– Я знаю.

– Надо ведь как-то закрепить его протоколом, свидетельскими показаниями, понятиями!

– Успеется.

– Давай заглянем, Павел Николаевич!

– Чуть попозже.

Вынув из кармана пиджака целлофановый пакет, оказавшийся достаточно большим, Пафнутьев запихнул туда обгоревший портфель и отряхнул пиджак. Теперь он выглядел вполне достойно, и мало кому в голову могла прийти мысль поинтересоваться, что именно он несет в пакете.

И снова за его спиной возник Шумаков.

– Может быть, стоит осмотреть его карманы, – спросил Пафнутьев, кивнув на распростертое тело Лубовского, – пока это не сделали другие?

– Ты думаешь, это допустимо?

– Что именно?

– Обшаривать карманы пострадавшего.

– Если этот пострадавший мой подследственный, если этот пострадавший мертв... То, думаю, допустимо. Вполне.

– А почему ты решил, что он мертв?

– Мне так показалось. – Пафнутьев честно поморгал глазами. – А ты думаешь, жив?

– Я в этом уверен.

- Почему?
- Он дышит.
- Да? – удивился Пафнутьев. – Тогда надо срочно «Скорую».
- Санитары перед тобой.
- Надо же! – восхищенно проговорил Пафнутьев и отошел в сторону.

Санитары сноровисто уложили бесчувственное тело Лубовского на носилки, вдвинули их в машину, и «Скорая» тут же отъехала, огласив окрестности переливчатыми воплями сирены.

Отойдя от обгоревшего джипа, в котором все еще лежали останки водителя и охранника, Пафнутьев решил, что здесь он больше ничего нового не узнает, и, присев на скамейку у входа в лубовский офис, стал наблюдать за происходящим.

Это тоже было интересно.

Вроде бы без толку шатался у джипа Шумаков, о чем-то спрашивал санитаров, подходил с какими-то вопросами к милиционерам, время от времени нетерпеливо поглядывал на окна офиса, в которых все еще мелькали бледные лица сотрудников. Прибывшие гаишники замечали расстояния от джипа до забора, до входной двери офиса, ширину проезжей части, словно все это могло как-то помочь в раскрытии преступления. Многие прохожие, не останавливаясь, быстро проходили по узкому проходу, оставленному милицией. У каждого были свои дела, заботы, а взорванным джипом кого нынче удивишь – они каждый вечер мелькают на экране телевизоров в последних новостях. Дело привычное, обычное, в чем-то даже поднадоевшее.

Милицейский дознаватель настойчиво подходил к стоявшим людям, пытаясь найти свидетелей, очевидцев, которые хоть что-то могли бы сказать о случившемся, но, похоже, успехов у него было немного – люди пожимали плечами, разводили руками, улыбались извиняюще, и дознаватель переходил к следующей группе.

Неожиданно распахнулась стальная дверь офиса, и на улицу вышли несколько сотрудников Лубовского. По каким-то неуловимым признакам Пафнутьев понял, что это люди не самого низкого пошиба, скорее всего они принадлежали к первым лицам компании. А дальше произошло нечто удивительное – к ним с заметной торопливостью направился Шумаков. В его поспешности ощущалась предупредительность, если не угодливость. Подойдя, он всем пожал руки, каждый раз склоняясь чуть больше, чем требовалось при подобных встречах. Все это было тем более странно, что Шумаков был все-таки представителем Генеральной прокуратуры, а не банно-прачечного комбината. Он что-то сказал людям в черных костюмах, те благосклонно его выслушали, а далее удивление Пафнутьева еще более возросло. Все трое, как по команде, посмотрели в его сторону. Видимо, речь шла о нем, о Пафнутьеве, а если уж говорить точнее, то речь, похоже, шла о содержимом его целлофанового пакета с изображением Филиппа Киркорова – певца необыкновенной красоты и привлекательности.

Пафнутьев опасался, что сейчас вся группа двинется к нему и тогда придется что-то им говорить, объяснять, чтобы в конце концов отстоять свое право на владение обгорелым портфелем.

Но нет, обошлось, никто к нему не направился, никто его не потревожил.

Обойдя вокруг джипа, постояв с минуту перед его развороченным салоном, вся группа снова скрылась за стальной дверью офиса.

Пафнутьев перевел дух и снова оборотил свой взор на людей, столпившихся перед полосатой лентой, протянутой милиционерами поперек улицы. На этот раз его внимание привлек человек, который с непонятной целью издали фотографировал остатки джипа. Причем фотографировал «мыльницей», которой невозможно получить четкий кадр с такого расстояния. У парня была короткая стрижка, белая рубашка, пиджак в крупную клетку. Что-то в его внешности, манерах, даже в одежде насторожило Пафнутьева, у него возникло чувство, будто он знает этого человека, когда-то встречался с ним или с кем-то очень на него похожим.

Пафнутьев поднялся со скамейки и медленной, скучающей походкой двинулся к милицейскому ограждению, у которого столпилось с десяток людей, в том числе и этот тип в клетчатом пиджаке. Помахивая своим целлофановым пакетом, чуть вразвалку, не видя никого и одновременно видя всех. Пригнувшись, он прошел под полосатой лентой и протиснулся сквозь толпу, наблюдающую за проходящим.

– Круто рвануло, – сказал кто-то.

– Круче не бывает.

– Водителю голову как ножом срезало.

– Срежет, – продолжал голос умудренный и насмешливый. – Значит, заслужили. На такой джип я за всю жизнь не заработаю. Может быть, только на колеса.

– А на фиг тебе такой джип?

– Джип мне никакой не нужен. Некуда мне его присобачить. Но понимание жизни надо иметь.

– И какое же у тебя понимание?

– Если взорвали – значит, заслужил. Нарушил законы.

– И какие же законы он нарушил?

– Законы бытия. Не укради, не убий, не пожелай жену ближнего.

– А сам-то ты их соблюдаешь?

– В меру сил. Есть и за мной грех – страшно желаю жену ближнего. Но с другой стороны – только желаю. И ничего больше.

– Если желаешь – будет.

– Очень даже может быть, – согласился грешник.

Парень в клетчатом пиджаке, пятясь, выбрался из толпы и четким, направленным шагом зашагал прочь от места происшествия.

Пафнутьев пошел следом.

Идти пришлось недолго. Миновав длинный ряд машин, парень свернул в переулок и сел в желтый «жигуленок» с немытыми стеклами. Пафнутьеву ничего не оставалось, как записать его номер. Если вначале он обратил внимание на парня, повинуясь какому-то невнятному чувству, подозрению, может быть, опыту, то дальнейшее поведение клетчатого пиджака явно выходило за пределы нормального или, скажем, объяснимого. Сначала съемка обгоревшего джипа, причем с такого расстояния, которое исключало получение хорошего снимка, а вот фотографию, дающую обобщенную картину происшедшего, даже с такого расстояния можно было сделать. Потом быстрый уход в ближайший переулок, где его поджидала машина, и теперь вот долгое ожидание в машине непонятно чего, кого, с какой целью. Если ему нужно просто переждать какое-то время, то почему он шел сюда так спешно? Значит, ждет кого-то, кто опаздывает, но должен вот-вот появиться – такой вывод сделал Пафнутьев, сидя на низком заборчике, огораживающем сквер с непривычно свежей зеленой травой.

Все так и произошло.

Минут через десять к желтому «жигуленку» подошел еще один такой же тощеватый парень и тоже в клетчатом пиджаке, правда, у этого клетка была помельче. С ходу упав на переднее сиденье, он с силой захлопнул дверцу, как показалось Пафнутьеву, даже с облегчением – так можно вести себя, сделав нечто важное, может быть, даже рискованное.

Разговор в машине продолжался, видимо, этим двум клетчатым пиджакам было о чем поговорить.

Пафнутьев тоже никуда не торопился и спокойно сидел на разогретом солнцем кирпичном ограждении, лениво посматривая по сторонам, чуть осклабясь, как делают скучающие собаки в жару. Время от времени он поглядывал на часы, давая понять парням, что кого-то ждет, что сидит не просто так, а, можно сказать, по делу.

Наконец, видимо, приняв какое-то решение, парни отъехали. «Жигуленок» дал задний ход, развернулся и, не выезжая на главную улицу, свернул в следующий переулок.

Пафнутьев вернулся к месту взрыва.

Джип все еще дымился, но дымок был уже бледный, прозрачный, видимо, дотлевали какие-то резиновые прокладки. Обгорелый, залитый противопожарной гадостью, он представлял зрелище совсем уж печальное. Трупы водителя и охранника увезли, толпа тоже поредела, но милицейское оцепление оставалось, и Пафнутьеву пришлось даже показать свое удостоверение, чтобы пройти на место взрыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.